

Александр Артамонов

КОМИССАР
ИЛИ
КАК ЗАРЖАВЕЛА СТАЛЬ

Военно-приключенческий роман

Александр Артамонов

Комиссар, или Как заржавела сталь...

«ИТРК»

2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Артамонов А. Н.

Комиссар, или Как заржавела сталь... / А. Н. Артамонов — «ИТРК»,
2016

Призывник Александр Борисов мобилизуется в Советскую Армию. И попадает через гарнизонную «распределителовку» сборного пункта г. Пензы проходить срочную службу в строительные войска Московского военного округа... Часть, в которую он направлен служить, с загадочно-тёмной историей, передислоцирована с Урала... Половина офицеров в ней разжалованы в званиях и собраны переводом из различных родов войск...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

© Артамонов А. Н., 2016
© ИТРК, 2016

Содержание

Часть первая	6
Поех-ха-ли!	6
За забором...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Николаевич Артамонов

Комиссар, или Как заржавела сталь...

© А.Н. Артамонов, 2016

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2016

* * *

Часть первая

Поех-ха-ли!

Жаркая, буйная в цветении майская весна... Завтра в армию... Второй день проводов в «Краснознамённую» в самом разгаре. Трещали полы: сосед дядя Федя лихо отплясывал барыню с разошедшимися на каблучные частушки бабёнками... Пьяные бравурные речи родственников и коллег по работе, уже отслуживших дружбанов и сотоварищей о том, как кто-то славно служил в военно-духовом оркестре, конной авиации, в подводных танковых войсках, слегка заглушают мою внутреннюю тоску по несчастной молодости, где ей придётся провести два «кирзовых» года. А о трёх «полундровых» и «штормо-штилевых» моя чугунная головушка даже размышлять боялась. Табачно-хмельной туман застилает глаза... Утро... Трёхдневная попойка по заведённому укладу – «...Мы тебя провожали в солдаты...» – сжала виски тисками тяжёлого похмелья, мутным осознанием, что игра спасительной от тоски мысли в Мальчиша-Кибальчиша закончилась... Больше никто не говорил тостов типа: «Ломоносов сперва побегал со штыком, а уж потом стал великим учёным!..» Не пел песен, не маршировал по комнате под «Славянку» от ухабистой гармонии... Молча похмеляясь и закусывая, похлопывали по плечу и «эпитафным сурьёзом» напутствовали:

– Держись, Санёк... Крепись, братан... Два года – ерунда... И где наша не пропадала!..

Лишь только мать, тихо всхлипывая, утирала краешком платка слёзы с покрасневших щёк и негромко вторила:

– Сынок... Береги себя...

– Ну пора! Труба зовёт! – пробасил старший дядя Коля, который своей солидностью превзошёл бы крутого директора промзоны, хотя сам числился в «ГорТопе», часто меняя место работы, топал ногами по городу в поисках её...

По обычаю присев на дорожку и тяпнув водки на посошок, все встали и галдежом засуетились... Напутствием матери, благословясь иконой Николая Чудотворца, мы выдвинулись «маёвочной процессией» в путь, к областному военно-пересыльному пункту. В троллейбусе, а затем в автобусе продолжился «проводной посошок». Лилась ораньем и пицаньем до хрипоты песня про гордый «Варяг», который никому не сдавался... Про любимый город, который может спать спокойно, пока я охраняю от врагов Отчизну... Про Марусю, которая льёт слёзы на копье, провожая любимого в воинский поход... Все девушки и молодые женщины в этот день казались мне до безумия красивыми и таинственными. И этому сладко-приторному чувству я, глупо улыбаясь, радовался, благодаря нескончаемым «тост-посулам»...

Ну вот и конечная, «Красноармейская»... Младшего дядю Вову вынесли бревном из автобуса родственники и друзья. Сломался дядя Вова, «уехала крыша». Поднимая очередной «лафетный стакан», он вдохновенно произносил один и тот же короткий тост:

– Поех-ха-ли!..

Гагарин, блин!.. Его положили у остановки в чапыжные кустики, и с ним остался качающийся, как опавшая осина, дружище Трофим. Отойдя немного от остановки, я обернулся и махнул им рукой:

– До встречи, дядя! Не потеряй его, Трофим!..

До пересыльного с полкилометра шли молча, с тоскливой напряжённостью, как на похоронах... «Да-а! На похороны моей юности!..» И никакие лозунги и призывы о долге перед Родиной, о чести и достоинстве, вспыхивающие в моём сознании, не заглушали эту щемящую боль души... «Всё! Хватит!.. – стучит барабанная мысль. – Не выношу дряблость духа!..»

Пересыльный... Воздух вокруг показался тягучим и марево-спёртым... Обнесённый бетонным забором, внутри которого виднелась трёхэтажная коробка комендантского лототрона, представлял взору мрачное и гнетущее состояние. Наполненный пьяно-матерно-слёзным, не продувавшимся никакими ветрами эфирным запахом призывников и провожающих, с терпкой примесью «военно-муштравой казёнщины»... Сердце заколотилось под рубахой, покатился мурашковый пот... До моей явки оставалось полчаса, и мы, подстелив газетки, присели на уже кем-то примятую до нас пыльную траву. Прощальные «чокальные» тосты не то про растленных, не то про обстрелянных воробьёв – я толком так и не понял. Ушедшим в себя, где-то вдалеке восприятия выслушивая напутствия и советы, я бравурно отвечал:

– Не подведу!..

И «постмодернистским оценком» продолжал осматривать окрестности. Территория напоминала чем-то схожие по моментам обстоятельств другие места: роддома, специфические больницы, уездные вокзальчики с примкнувшими к ним оплётанными семечками базарчиками. С суматошными окриками: «...Хватай драные узлы и чЮмо-даны! Курьерский! Мотя! На путЮ прибыват!..»;

«...Куды?! Бульдозером прёшь! Карова! Ты мне авоськой! Хлястик на фуфайке оторвала! Прямо с мясом!..»

Имена, фамилии, клички раскатывались эхом с одной стороны забора провожающих и вопли с другой: «Маманя?! Принеси пожрать! Сигареты!.. Ошманяли!.. Сегодня не заберут!.. Прапорщик, кусок, бл...! Козёл!..»;

«Батяня?! Купи собаку! Назови Сержантом! Отслужу! Приду домой! Зарежу!..»;

«Братан?! Водку! Лучше в резиновую грелку перелей!..»

По ту сторону, «на гражданке», слышались звуки гитары и гармоники, девичьи возгласы, смех и слёзные всхлипы: «Витюня!.. Я тебя буду всю жизнь ждать!..»

И надрывалась расстроенной арфой о медиатор забора душа у того парня, чувствовал он, что не дожждётся она его, первая любовь Танюша... «Да-а?! Панорамный "натюрлих"... В "икотном" масле... Жаль, Васнецовых рядом нет...»

«...Юность романтически прекрасна, в то же время жестокая, наглая и порою издевательски необременительная... Понаблюдайте внимательно за выводком цыплят, щенят, утят, поросят... каждый пытается ухватить побольше корма, не подпустить, оттолкнуть, укусить собрата, затоптать слабого...» – меланхоличной грустью размышлял я про себя...

Фотоаппаратные вспышки... Одним радостно-весело, что они не пойдут или уже побывали за той стороной забора. Другие пьяно-натянута: «пли-и-из, сы-ы-ыр!..» – глупо щерясь, обречены его перейти... На «Максимов Перепелиц» смотрят как на «ядерных шизофреников»; есть, говорят, такая стадия...

– Ну-у... пора, племяш!.. Труба зовёт!.. – прервал мои грустные размышления ослепевший голос дяди Коли.

Засуетились, пообнимались, и тут я увидел слегка отстранённую прощальными эмоциями свою матушку... Чувство эгоистичного открытия длилось секунды, но мне они казались долгими минутами озарения солёно-горького раскаяния. Ни защитницы, заступницы с мечом, с чашей вина, с хлебными колосьями в руках... памятники, посвящённые матерям и Родине, не смогли бы затмить живое воплощение образа моей мамы. Сложив крестом на груди такие дорогие мне, пухленькие, в мелких морщинках, руки, она тихо всхлипывала... Я бросился к ней... Крепко обнимая её и целуя:

– Мама! Мамуленька! Я же вернусь! Всё будет хорошо! Служить буду честно!..

Пересохшие губы, нос увлажнились серебристыми росинками... Никогда я не забуду родной неповторимый вкус и запах материнских слёз...

«До свидания, мама! Родичи! Друзья! Подруги!..» И я переступил порог КП сборного пункта.

За забором...

Дежурный офицер направил меня в оперчасть. В этой штабной «распределилровке» мне указали номер собирающейся команды войск ВВ, и чтобы быстренько шёл искать её на плацу, не забыв доложить старшему этой команды о своём прибытии. Услышав распоряжение, я остолбенел. Ни одна клеточка моего организма не желала служить во внутренних войсках. На дворе стоял май 1984 года, и ребята в краповых погонах охраняли в основном особые и уголовные зоны, тюрьмы, поселения и доброй популярностью в армии, да и у гражданского населения, не располагали...

Медленно развернувшись и выйдя в коридор, я несколько секунд простоял в оцепенении... Затем быстрым шагом направился к кабинету начальника штаба. Постучав в дверь, я вошёл. В комнате присутствовали несколько офицеров. На столе стояла всякая снедь и початая бутылка коньяка. На раскрасневшихся лицах сияло оттаявшее, похмельное благодушие. Узнав в старшем по званию начальника штаба, я доложил, кто таков и цель своего визита: мол, не желаю служить во внутренних войсках!..

– А может, призывник в тюрьму желает попасть?! – пробасил он.

– Я, товарищ подполковник, от службы в армии не отказываюсь!.. Только прошу вас заменить команду на другой род войск!..

– Есть там у нас другие отряды формирования?.. – спросил начштаба у сидящего за столом капитана.

– Сегодня не предвидится, одно ВВ гуськуется... Может, завтра что?! – вальяжно ответил офицер.

Коньячное благоденствие всё же растопило душу начштаба...

– Ладно!.. Иди сегодня домой, а завтра к восьми ноль-ноль чтобы был как штык!.. И смотри не опаздывай!.. Свободен!..

Помню, вышел я тогда на улицу, глубоко вдохнул... Весна... Зелёные клейкие молодые листочки на деревьях, проклюнувшись, распушились, зашелестели по-озорному весело... Вздохнул... «Эх-ма-а!..» Постоял-постоял – и двинул гулять, «шустрить» по девчонкам, по такому родному в этот день городу...

Завалился я домой за полночь, невнятно объяснил в пустой комнате, что, дескать, завтра опять к восьми на пересыльный, и замертво рухнул на диван. Мать тихо всхлипнула, всплеснула руками и с нежной аккуратностью поправила под моей головой подушку.

Утром, разбуженный в шесть ноль-ноль, в «цигель-цигель», чтобы очухаться и успеть явиться на сборный пункт, опохмеляясь и медленно закусывая вчерашним салатом, погружённый в свои взволнованные мысли, я вдруг тихо произнёс:

– Знаешь, мама... Не провожай меня сегодня... Закрой только за мной дверь... Я буду часто-часто писать письма и постараюсь скоро прийти в отпуск...

В отпуск я и в самом деле приехал через восемь месяцев, что считалось в армии по тем временам непопулярной привилегией...

Поцеловав матушку и выйдя за порог родного дома прохладным весенним утром, я остановил дворника дядю Петю, с похмелья гонявшегося с метлой за женой, и, обсудив его трясогузную ситуацию, пошёл с ним в самогонный шинок, где опился, как таракан, а потом, стоя в одиночестве на троллейбусной остановке, орал прохожим, что ухажу в армию! И обязательно вернусь оттуда гофмаршалом!.. Что это за звание и чин, я тогда не знал, но оно мне нравилось в пьяном воображении, и мои тщеславные вопли разлетались на весь проспект...

Признаюсь, я до сих пор краснею, рассказывая другим, как уходил в армию, и смеюсь при воспоминании того памятного утра, но это меня, грешного, раска-каян-ная исповедь...

* * *

Очнулся я на лавке во дворе сборно-пересыльного пункта. В голове шумело эхом морской раковины... На плацу строились команды, шла перекличка... «Как я добрался сюда?...» Потом узнал от дежурного сержанта, что вроде своим «крейсерским ходом»...

В душе штормило, кипело и клокотало, кружились непутёвые мысли, точно в мутном водовороте... И тут ко мне подошла пьяная ватага с бутылкой четверти¹ самогона. Горланя, ругаясь, распевая песни, икая и насвистывая ржавыми голосами, ребята из деревенской малочисленной команды предложили мне подлечиться... Жили мы тогда не очень богато, но и не бедно, и их сельские лица были открытыми и хлебосольными. Похмелившись и оттаивая, мы загалдели о том о сём, где хорошо служить, а где чертовски плохо... Как были мы наивны... Когда ребята узнали, что за ними приехал «покупатель из Военморфлота», они мигом разлетелись, как воробьи, только задницы и пятки сверкали над забором пересылки... Никто не желал и не мечтал о разлуке с родным домом в три года. Только одинокий пастушок из лесничества хуторской окраины с тихой обречённостью остался дожидаться своего морского командира...

Поднявшись с лавки, слегка шатаясь, я направился к начальнику штаба. Войдя в кабинет, замешкался, не зная, что сказать, переминаясь с ноги на ногу, да и «прикидон с феестом» скамеечным пролежнем был подмятым...

Хмыкнув, подполковник взглядом уставился в бумаги, лежащие на его рабочем столе...

– Не знаю, куда тебя, Борисов! Один стройбат сегодня формируется!.. А парень ты грамотный... Железнодорожный техникум как-никак с отличием окончил... – не отрывая глаз от раскрытой папки, ворчливо проговорил он.

– Да заберите хоть в стройбат!.. Только не ВВ! Да и надоело здесь торчать около дома! Тоска одолевает!.. – с какой-то отчаянной дерзостью в голосе ответил я.

Подняв голову и вперив в меня взгляд мутно-оловянных глаз, с водяными мешками над массивным хищным носом, подполковник растянуто и тихо, как бы размышляя, проговорил:

– Ну хорошо... Хотел тебя в одно солидное место определить, да уж больно долго задерживается формирование команды... Ладно, так и быть, пойдёшь служить в стройбат!.. Иди на плац и не перепутай с взвэшной!.. – улыбнувшись сизо-багровой харей, добродушно пробасил он.

* * *

Формирование команды вели три прапорщика с тракторами на шевронах и в петлицах военно-строительных войск. Громко объявлялись фамилии, строились шеренги, так производилось несколько раз, пока комплектование не закончилось.

Передняя шеренга стояла червячным рядом. Нагловатые ухмылки, опухшие, спитые и помятые лица. Сивушный перегар «в двести рыл» наверняка бы напугал самого Змея Горыныча о трёх головах, который в народных сказаниях доводил мирян у Калинова моста до жуткого заикания и поноса...

– Да-а... Командка... И попробуй доведи эту шоблу до места назначения... Расползётся, как липкая грязь... – как бы про себя, но тихо, вполголоса, проговорил старший прапорщик, оглядывая строй.

¹ Объём 2,5 литра.

Вдруг, слегка напряженившись телом, чётким, твёрдым голосом двинул командную речь:

– Вы все поедете служить в Москву!..

Строй радостно заколыхался...

Выдержав паузу, он продолжил:

– Но по трём московским адресам... Москва-200 – остров Новая Земля!.. Москва-400 – остров Шпицберген!.. И столица нашей Родины – город-герой Москва!..

Колыханье шеренг прекратилось. Некоторые из призывников, приоткрыв рты, с внимательной окоселостью в лице слушали доклад; другие и вовсе не понимали: чего это прапор городит?! Третьим – их было не так много, – шатающимся, сопящим и икающим, казалось, что не они пьяны, а солнце с облаками в светло-синей глубине перелетают с одного места на другое, красиво и радужно сверкая...

«Этим сейчас всё по хрену!.. И море по колено!.. Пьяные-то проспят!.. Только дураки никогда!..» – нервозно раздумывал я, стоя в задней шеренге...

– Кто из вас поедет по первым двум названным московским адресам, за два года службы на строительстве военных объектов заработает девять – двенадцать тысяч рублей. (По тем временам двухкомнатная квартира.) Желающие есть?! – громко спросил старший прапорщик. – Два шага вперёд!..

Гробовое молчание шеренг нарушил чей-то писклявый голос:

– Белые медведи, блин, слопают, и родной мамаше даже косточек в консервированном пенале не привезут... Только радостным рыком раздастся урчание мишки, мясо-то вкусней, чем сосанье лапишки...

Прапор ухмыльнулся, помолчал немного, затем продолжил:

– Кто изъявит желание поехать на острова, будет освобождён от особого контроля с нашей стороны... Можете хоть с бабами ехать!.. Только не бегите, ребята!.. – И с потаённой улыбкой закончил вступительную речь...

Желающих поехать на острова «экзотической Арктики» так и не оказалось... Комплектование островных команд производилось из призывников с уголовным прошлым, из тех, кто состоял на учёте в милиции, дурашливых клоунов и психопатов, которых пропустила медкомиссия. Эти «полярниками-челюскинцами» для службы в стройбате годились...

* * *

Вокзал... Посадка в вагоны... Дранные чемоданы, рюкзаки и мешки, залатанные штаны, порванная, просящая жрать обувь...

«Белая ворона...» – подумал я про себя, разглядывая новобранцев на перроне... Новые, слегка помятые тёмно-серые брюки, синяя рубашка с коротким рукавом, модный по тем временам кожаный болгарский кейс, который в народе почему-то назывался дипломатом... На размышления шуточно подлетел перефразированный куплет известной народной песни: «Белый ворон... Что ж ты вьёшься... Над помойкой городской... Ты добычи не дождёшься... Бомжи съели завтрак твой...»

Шмон в плацкарте, после которого арсенал водки и всякой бормотухи сократился ведра на два... Загрустили... Гробовую тишину и равновесие вагона ухабисто разрушили трое ребят с двухлитровыми резиновыми грелками со спиртом, предусмотрительно привязанными бинтами к их животам. Нашёлся и один «сметливый клоун», который привязал к мужским гениталиям два презерватива, наполненных по двести пятьдесят грамм самогона в каждом и «бычьими причиндалами» конспиративно скрывающихся в широченных прадедушкиных и простреленных на заднице, с заплатой из мешковины, галифе!.. Вагон затрясся от взрывного хохота с такой силой, что провожающие на перроне и сопровождающие пра-

порщики подумали с ужасом, что к нам попала в вагон какая-нибудь залётная, остервенелая на пацанскую удаль девчонка. Ворвавшись в вагон и убедившись, что всё нормально, все на месте, как цыплята в коробе, отделённом от курятника, старший прапор, прижав руку к сердцу и оборачиваясь назад к выходу, бросил в нервозности неведомо кому отчаянную фразу:

– Расплатинный потрох! Скорее бы тронулись!

Вскоре наш поезд сдвинулся с места под вопли призывников и провожающих, машущих руками и платками, медленно наращивая темп, качаясь и перестукивая на стрелках и стыках, отправился в дальний путь...

* * *

Москва. Казанский вокзал. Туманная, сырая ночь...

Выглянув в окно, я увидел на перроне группу встречающих офицеров, прапорщиков, сержантов. Секундное забытьё, будтоходишь в нечто, – и луны нет, и впереди нечто, и слева, и справа, и сзади, и вверху, и внизу – везде какой-то тусклый, холодно-липкий эфир времени... И ты забываешь, кто ты есть, и что, и зачем, и где, и когда; безумная тоска гонит тебя мыслями, душою на Родину, которую раньше и не замечал вовсе... Приближение жёлто-серых огоньков возвращает меня в бытие, и мне становится ясно, что выхода из него нет и не следует мочиться и скулить на жизнь... прочь тоска и отчаяние, они нереальны, служить, сосуществовать «оловяно-гардом» – вот она, моя больная задача на два года жизни...

После выгрузки из вагонов нашу команду построили на привокзальной площади. Переключка... И началось снятие сливок... Среди серой массы будущих биологических бульдозеров, автопогрузчиков: «Я танка не видел, не таскал пулемёт, не чистил затвор автомата... Я брёвна, как женщин, таскал на руках, свой долг посвящая стройбату!..» Землеройных машин: «Три солдата из стройбата заменяют экскаватор...» Отбойных молотков и грейдеров: «Остановись, прохожий, помяни мой прах, в могиле здесь лежит солдат стройбата, не от штыка и пули он погиб, его замучила лопата...» Сознание вновь уплыло из реальности происходящих событий. Тем временем группа военных выбирала наиболее одарённых ребят для службы в «особых» строительных отрядах: «духачей» музыкальных оркестров, художников, чертёжников, автоводителей, других специфических профессий и специальностей. После того как приличная группа «огурцов-танталов» отделилась от нашей мышинной призывной массы, с блестящими глазками, грязными от дорожной пыли лицами, я вновь очнулся от меланхолического оцепенения и продолжил следить за происходящим. Офицеры по-прежнему командно выкрикивали нужные им вакансии:

– ...Автомеханики есть?!

– Да-а!..

Из нашей толпы вышли два «самоделкина». Нашёлся и один «смо-гист», который умел всё делать!..

– Ты можешь варить металл газом, электросваркой?! Можешь произвести монтаж электрики, сложить кладку из кирпича, столярничать и плотничать (и т. д. и т. п.)?

На всё он отвечал одним словом:

– Смогу!..

Смогист, блин!.. Даже и не скажешь, когда присмотрелся к нему...

Круглая лопухая харя, жёлтые глаза с округлённым, перископным выкатом, намертво закреплённая косая улыбка, зубы, как у лошади, аж за нижнюю губу заходят. Подполковник клюнул, – видимо, мысли о строительстве желанной «дачурки» – личной дачи – напрочь отбили визуальное восприятие и произвели затмение в его разуме...

«Чего ж я стою, молчу?! Неужели все два года прослужу с СЛ-130²?..» – носились мысли в голове, как бешеные собаки, которым сто вёрст не крюк, ударяясь о стенки «чугуноватого» черепа, и от этого в ушах звенело...

– Операторы ЭВМ есть?!

Секунды замешательства... У меня были некоторые навыки по закладке операторских карт и катушек в «ВЭМы». И только было я собрался открыть рот, как сразу же отыскался, откуда ни возьмись, криком «Я!!!» талант – «синьор-помидор» из приборостроительного техникума. И вдруг я уловил в глазах «помидора» лукавую хитринку. Озарение молнией пронзило тело с головы до пят. Я понял, что все эти псевдоталанты, пытающиеся всеми правдами и неправдами залезть в корзину привилегированных груздей стройбатовской службы, ничего фактически не умеют делать или имеют начальные практические навыки и так же, как и я, не желают месить цемент и копаться в глинозёме, да и образование кудесников-мастеров явно соответствовало не приборо-, а заборостроительному техникуму...

– Художники есть?!

– Да! Есть!.. – теперь уже ни секунды не раздумывая, выкрикнул я и вышел из строя...

Анкетную беседу со мной вёл щеголевато-подтянутый капитан...

– У вас что, товарищ призывник, художественная школа, кружок или так, хобби?!

– Товарищ капитан! Искусству рисования, накладыванию мазков на холст меня профессионально обучил родной дядя, который преподаёт и ведёт свой класс в художественном училище... – не моргнув глазом, соврал я...

«Будь что будет, а там куда кривая выведет...» – колыхалась соломенная мыслишка, которую скоро сдует буря истерического хохота и негодования армейского начальства...

Просмотрев моё «Личное дело», капитан весело подтвердил, что я им подхожу...

– Служить будешь при штабе УНР³, которое ведёт строительство Генерального штаба армии и флота СССР...

Ночью на узике я с капитаном прибыли в «энный» военно-строительный отряд, который состоял из одной роты «ушастых очкариков-моноклистов», ведущих учёт, распределение, пополнение и разный «дебет-кредит» УНР-овской бухгалтерии. Были среди них пародийные «Фишкины-Фикассо» и «Ушкановы-Умалевичи» с философско-олигофреническими мыслями типа: «Мужчина по более преимущественному, природному праву и положению должен рожать детей... однако, женщина?!»

С этими дарованиями новой материи и мысли я познакомился на следующий день по полудню, после того как сдал гражданскую одежду взамен на армейскую амуницию. Разузнав от них про искусствоведческий фронт работ, состоящий в основном из исполнения больших по формату стендов политического и военно-строительного содержания, я слегка приуныл... Бедная моя, наивная головушка под весенним «венком-прикидоном из ромашек» благоговейно сулила, что рисовать мне удосужится ударнические агитки и праздничные стенгазетки, вывешиваемые на оградительных заборах... да и писаришкой я не прочь послужить... А тут такое! Художественно-политические стенды!.. Прострация надвигалась мерзкой, липкой тенью...

На вечерней поверке ответственный по роте прапорщик сообщил мне, что я завтра с утра отбываю на Главный строительный объект с командиром части, тем самым капитаном, привёзшим меня сюда.

На следующий день, после утренних армейских «муционов» – подъёмов, построений, проверок, нарядов-разнарядов, указаний-приказаний – мы отправились на узике-бобике: капитан, ефрейторвестовой – «лакейно-глянцевый», и я, солдат-художник Борисов, с мутной

² Совковая лопата длиной 1 м 30 см – оружие, доверяемое стройбатнику.

³ Управление начальника работ, что-то вроде соизмеримое по строевым меркам штабу дивизии или полка.

головушкой, так как ночью не спал, ворочался с боку на бок, «кошмарясь» до рассвета в сомнительных, тревожных размышлениях...

* * *

За окошком автомобиля мелькала июньская семицветная Москва – проспекты, улицы, бульвары, на которые я взирал с равнодушием. Фокусируясь в солнечном свете, выплыл силуэт памятника... «Гоголевский?! Значит, рядом Старый Новый Арбат?! А поблизости Кремль?! Не там ли Главный стройобъект?!» – Я чуть не пукнул от этой рассудительной мысли, кллизмой приведшей меня в мешочное состояние...

Через три минуты мы остановились у ворот, охраняемых солдатами-«красначами», с автоматами, при штык-ножах за плечами. Пока капитан предьявлял пропуск на вписанных в него лиц, я огляделся. От ворот в обе стороны тянулся окружной забор. Напротив, через дорогу, красовался тот самый «киношный ресторан Прага»; мысли радужно засветились представляемым самоощущением... Хлопнула дверь кабины, проехали за забор... У арочных ворот здания капитан вновь предьявлял пропуск. Проехав их, оказались внутри огромного плаца-колодца генеральной стройки...

– Выходим! – скомандовал капитан. – Это и есть на сегодня наш главный стройобъект! И называется он Генштаб!.. То есть новое, современное здание, входящее в группу владений Министерства обороны СССР!.. – лаконично, без надменного пафоса объяснил он. – Борисов, за мной!..

Зайдя внутрь здания, мы поднялись по лестничному маршу на восьмой этаж. Вокруг зудело-гудело, долбилося, сверлилось; стучалась и материлась работа солдат стройбата. Шёл этап последней доводки отделочных работ и коммуникационных исполнений. Вошли через массивные, инкрустированные декором двери в просторный зал, явно предназначавшийся для совещаний. Балов для армейских чинов в тогдашнее время не предполагалось, но дорогой мозаичный паркет по-озорному настраивал к этому танцевальному празднику, хотя ещё не был доведён до зеркальной лакировки. Посредине зала на подстеленной мешковине лежал незагрунтованный, незашкуренный стенд три на пять метров...

– Васильков! Кульмандиев! – громко окрикнул капитан. В зале акустически повисло эхо...

– Васильков! Кульмандиев! – повторно, со злостью, вновь крикнул капитан.

Ещё окончательно не обмяк отголосок слабеющего эха, как из одной из боковых дверей высунулась сонная чумазейная физия; за ней – вторая моргающая мордоплюйка и распевно-завывая, с эхом, пропела:

– Ми-и тута-а-а... Товарища капитана-а-а...

Раскачиваясь, семена мелкими шажками банных шлёпанцев (так как дорогуций паркет), заискивающе, по-восточному закотив глаза, пара «дервишей» в солдатской форме (или её имитации) подплыла к нам...

– Слющаем... товарища... капитана-а...

– Это я вас слющаю! Гамадрильи зоофильные! Почему стенд не ошкурен и не покрыт белилами?!

– Ой, капитана... не сердись... зачем такой злостью... как бухарский перец... Щас покушаем... батон белый... шоколад-мармелядь... сгущёнка-тушёнка... зелень-мельень... Тебя вот, капитана, приглашалам...

– Вот, Борисов, тебе помощники! Они здесь этажные ключники... Не разглядывай и не думай, почему он Васильков! Якут он!.. Их Пётр Первый при крещении северных малых народов указывал красивыми именами и фамилиями нарекать... Покажите, камбоджийцы, комнату с художественными принадлежностями мастеру!.. А тебе, Борисов, – ука-

зывая рукой на лежащий посреди зала стенд, – к послезавтра, к восьми ноль-ноль, исполнить «проекцию» политического содержания... С заголовком «Акула империализма»! Вот тебе схематический план панно... В центре нарисуй злую, саркастическую американскую статую Свободы... По бокам – вассалов-шестёрк Североатлантического блока... ФРГ, Францию, Италию, Бельгию, лижущих статуе ноги... Понял?! Не слышу ответа, солдат!

– Есть! Так-к-к точно!.. – замешкавшись, промямлил я.

– Ну ладно, поеду обратно в часть... Дерзай! А вы ему помогайте!.. – назидательно произнёс капитан. – А то отправлю на носилки с кайлом и лопатой!

И, скрипя новенькими сапогами, направился к лестничной двери. Ключники, как самаркандские голуби, «визирями» семенили за ним, кивали головами и потворством согласия ворковали...

– Художника-а?! Пойдём к нам в каптёрка, чай пить будем, говорить будем, смеяца будем...

Каптёрка являлась будущим кабинетом высокопоставленного офицера, а может быть, и генерала, предположил я, внимательно осмотрев помещение. Стены и шкафы были ламинированы дубом. Некоторые декоративные плиты были сняты, за ними виднелась фляжная металлическая шкатулка-облицовка всего кабинета. Мы тогда уже, «простые» солдаты, знали, что сделано это против нейтронного оружия, в качестве защиты...

На генеральском столе возлежала не солдатская снедь – «привалившаяся радость»: ржавый лучок, жёлтый укроп-пучок, прогнившая сладковатая картошка, килька в томатном соусе «Завтрак туриста», а «целлофано-скатертный самобран от Хоттабыча». Торт «Птичье молоко», шедевр кондитерского «дэффицита» того времени, нарезка финской колбасы «Салями» для новогоднего праздника, шпроты «Рижские», свежие помидоры и огурцы, экзотические фрукты бан-наны!.. «Да-да! Бан-наны!.. Это сейчас для вас, друзья, "дуруглополы" из Гваделупы не экзотика!.. А тогда бан-наны!..»

– Как звать тебя, джан?.. – прервал моё восхищение и дал возможность закрыть рот солдат Кульмандиев.

– Александром величать... Можно Сашкой... – И протянул руку для пожатия...

– А как вас бают?!

– Ча-а-во?!

– Ну величают... зовут по имени?!

– А-а... Вай, колумдыкин ёськин кот!.. Василькова Васей, значит... А меня Мишей, значит... По-нашему не выговоришь... Садись к столу, кушать будем, музыку слушать будем...

И тут же включил магнитофон с индийским шансоном Болливуда... При этом шея и задница замотались в такт музыке, гремя многочисленными ключами, которые висели у него на поясе...

– ...Раньша мы ели, чтобы служить... А теперя служим, чтобы есть! Кушать!.. – многозначительно-философски, с поднятым пальцем кверху, произнёс Васильков...

– Нормальный ты мужик, Вася!.. Я, может быть, даже водки с тобой бы выпил!.. – тостом объявил я, аппетитно разглядывая сервированный стол... – Сейчас очень, по-вашему, хочу кушать... А по-нашему – благодарственно жрать!..

Болливудская музыка лилась из старенького катушечного магнитофона марки «Иней». На столе, как по волшебной палочке, появилась бутылка армянского коньяка... Раздавлив «тройским войском» две бутылки армянского, я после бессонной ночи перестал различать своих помощников... путал Васю с Мишей, и они, бормоча и отплёвываясь, стали немного обижаться... На что я «мирительно» произнёс: мол, какая вам разница?! «Я что, расист какой – вас различать?!»

Осушив последнюю рюмку и оглядев пустой стол с остатками объедков, я менталитетом «Винни-Пуха» поддерживал разговор с охмелевшими ключниками...

– Конечно, нашу пензенскую самогонку с чесноком на карбиде или на курином помёте не сравнить!..

– Лючший человек – это Конь!.. – не слушая меня, с гордым завываньем произнёс Кульмандиев... – Сашя!.. Я ведь твой друг?! – И полез слёзными объятиями целоваться...

– Махмуд! То есть Миша! Ещё пару таких друзей – и врагов, бл..., не надо!.. Ну, давай, ставь чай с огурцами – и на боковую... Да!.. И отведите меня в мою художественную мастерскую, не спал я в части всю ночь!..

Очнулся я на строительном топчане и не понял, то ли вечер, то ли ночь такая светлая. «Лучше белые ночи, чем чёрные дни... – сразу же в испарине вспомнил про своё ответственное задание... – Сколько же сейчас времени?..» Вышел из мастерской и направился к каптёрке ключников...

В сторожевой комнате на широкой лавке-лежаке дрых Кульмандиев...

– Миша, привет!.. Сколько сейчас времени?..

Ключник нехотя повернулся на лавке ко мне лицом и трубочными губами ответил:

– Обэт, джан Сашя... Хорощё выглядишь...

– Какой обед?! Что я, час спал?!

– Нет, Сашя... Спаль ты сутки... Хорошо спаль...

– Почему не разбудили?! Нам же стенд рисовать!..

– Лисовать тебэ, джан...

– Так шкуру со всех троих снимут!.. Вам же капитан приказал помогать мне!..

– Приказаль, показаль, облибызаль, целовать даваль... – бормотал Кульмандиев...

– Чего даваль!!! – в бешеной злобе закричал я...

– Чего кричишь, Сашя-джан?! Садись, чай пей, белый булка с маслом, колбасой... Не будили?! Слядко спаль ты!.. Нину во сне вспоминал... Как будто щупаль...

– Казак и во сне шашку щупает!.. – прокричал я... – Ходить можешь, Мамед?!

– Мищя... – поправил он.

– Можешь, спрашиваю, Мищя?!

– Могу, Сашя! А что?!

– Так вот, ходи на х..!

– Ви, рюские, только одна эта дорог хорошо знаете... – с обидой в скулящем голосе ответил Кульмандиев и отвернулся к стенке...

Я закурил...

– А где якут?..

Ключник обидчиво молчал... но, выдержав паузу, ответил:

– Вася калым клиент... На Старом Арбате... Сейчас придёт...

– Какая калым клиент?! Какой Арбат?! Не понял!..

– А тебэ сичас и понимать ничего не нужно!.. Послужишь на объекте... разберёшься, поймёшь... И про Гоголь-моголь бульвар... вечером деньга, утром стулья...

Ничего смыслового из его азиатского диалекта я так и не выяснил...

Лишь позже я узнал, что на фоне острейшей нехватки стройматериалов многие жители окрестных бульваров и улочек приобретали дефицитнейший дубовый паркет, панели, двери, плинтуса из красного дерева, чешскую и немецкую сантехнику, элементы художественного декора у солдат стройбата с возводимого Генштаба. Товар выносился через коммуникационные коллекторы, далее через колодцы на тротуарах улиц, заранее оговорённых в сделке, и к условленному времени. Трассы коллекторов барыги в солдатской одежке знали, как партизаны Одессы свои многокилометровые катакомбы...

Закурил вторую сигарету... Кульмандиев лежал на топчане лицом к стене и, обидчиво сопя, что-то ворчливо бормотал на «тарабарском»...

Незаметно в комнату вошёл Вася Якут, держащий в обеих руках сетчатые авоськи, из которых как на показ торчали хвосты янтарно-копчёных скумбрий.

– Вот и ароматный скунс явился... – процедил я сквозь дым сигареты...

– Ну ты как, Борисов?! – весело подмигнув, спросил Вася...

– Как на море!..

– Это как?..

– Тошнит, но я улыбаюсь...

Якут положил сетки на стол, задрал китель и вынул из-за брючного ремешка плоскую флягу кустарного производства...

– Шпирт!.. – деловито произнёс он и обернулся ко мне: – Вот лимончик съешь, Санёк!..

– Зачем?..

– У тебя очень довольная улыбка...

– Когда стэнд рисовать начнём, Якут?! А то завтра мы уже не колбасу со скумбрией хавать будем, а лягушачью икру цедить за щеками в отдельной воинской части, находящейся на подмосковных болотах!..

– Не переживай! Чего тебе там рисовать?! Акулу?! Вот тебе натюрлих, скумбрия... Чем не акула империализма!.. А шестёрка акульных, рабочих солдат, мы тебе снизу приведём...

Кульмандиев сразу же привстал с топчанчика и свесил к полу угольные ножки... Василий тем временем раскладывал «авосечные» продукты на столе, на который, покуривая, я незаметно косился...

– Присаживайся, Борисов... Обедать будем...

– Только без индийского шансона... – буркнул я и придвинулся табуретом к столу...

– Ты хоть бы поблагодарил, Борисов... А то всё смурной какой-то, как серый день на улице...

– Спасибо, джамакеи!.. Здоровья вашим оленям, ослам и верблюдам!.. Мир вашим чумовым аулам!.. Птьфу-ты!.. Ярангам и кишлакам!..

– Спасибо, Саша, в стакане не булькает... Ну не смотри на меня так матерно, Саша!.. – Якут стал разливать спирт по стаканам...

– Разрешите, товарищ ключник, как офицер офицеру вам ручку поцеловать?!

– Ва-ай!.. Не стыдно, Саша?!

– Стыд глаза не ест, Вася... – Не разбавляя спирт «Тархуном», как это сделал Кульмандиев, я взял стакан в руку и поднялся с табурета... – Не упадём пятой точкой в торт!.. – И «смачным затвором» опрокинул пятьдесят грамм вовнутрь себя, где пустыньствовала бодунская засуха...

(«Не пейте много! Не пейте мало! Пейте достаточно!» – часто с наставлением говорил царь Пётр Первый, Великий... умнейший и знатный выпивоха... Что значит достаточно?.. Например, режиссёр Никита Михалков мог выпить бутылку водки и спокойно, без дебоша, снимать кино «Вокзал на троих»... Другой выпьет напёрсток – и начинает нести заумную околесицу «клоунировать петрушечно»...)

В ключной комнате царила атмосфера российской пивной и чайханы... тут тебе был и кружок самодеятельности, и публичная библиотека, и медресе с верблюдозаводом, и северное сияние с оленями в тундре...

Кульмандиев, закатив глаза и подняв ладони кверху, с восхищением рассказывал про свою невесту Роксан... Что заплатил за неё уже «половина калыма» генштабовским паркетом...

Я ему вторил:

– Что ты, Миша, за рубль родину продашь!..

– За рубль, может быть, и нет... А за два – точно... – поддакнул Вася.

– Ну что вы всё!.. – с обидой в голосе взвизгнул Кульмандиев и продолжил летать в свадебных облаках... – Сыграем кишлаком свадьбу... Поедем с Роксан в медовый путешествие к Чёрному морю, в Крым...

– Со свадебным путя-а-шествием прошу быть поаккуратнее... – мямлил осоловевший Вася Якут... – Я тут смотрел секретные карты Генштаба... там Америки нет!.. Океан с цепочкой островов... Так что приобретайте байдарки – и на вёслах, на оленях к Белому морю!.. Только не утоните...

Я не слушал их... И нёс с «верой и правдой» свою «ахинейскую бакланку»... Про то, как на гражданке, в родной Пензе, юбки трепыхались вокруг меня, словно флаги вокруг представительства ООН... Трепетно рассказывал про свою девушку, Нину... О том, из-за чего поссорился с ней перед самой отправкой в армию... Как поддатым завалился поздним вечером к ней в гости и перепутал в тёмном коридоре тапок с её любимой собачкой...

– Сколько было визгу, вопля!.. Да уж!.. Но я ведь поддел её на ногу, только на половину носка!..

– Ось мусь драть!.. – прокартавил Вася Якут. Оказалось, он всех слушал в эфире с вниманием...

– Меня матушка в яранге перед сном моржовой табуреткой обхаживала... И то более гуманно, значит!.. – с умно-пьяной, косорылой физией изрёк он своё тундровое заключение моему повествованию...

Я продолжил рассказывать, как просил у Нины прощения за этот неловкий, нелепый случай, как стоял перед ней на коленях... Пухлик – так звали собачонку – лежала в стороне, на коврике, и тихо поскуливала, то ли игриво прикидывалась, не то и «вправдишну» ей надо было «скорую» вызывать...

– «Простите меня, Нина!..» – «Прощаю... Но не забуду!..» – Так и ушёл холостым в армию... – жалостливым пафосом подытожил я свой печальный рассказ...

– Да вы, Саша, прямо-таки поэт-дервиш! Я где-то слышал, поэтам нельзя верить!..

– Верись, не верись, Кульмандиев! Но мне надоело слушать твои мерзопакостные новеллы! Рынка-скрынка, обмануль, на мешок урюк кинуль и про то, как ты стал мужиком перед армией, стоя на табурете сзади молодой ослицы! Казбек, блин!..

– Увести чужую жену несложно... Сложно вернуть её обратно, в мужнину ярангу... – бормотал Якут в полуотключке...

Я встал из-за стола в нарастающем раздражении...

– Спирт и продукты ваши прасрачены! Ой! Птьфу-ты! То есть просрочены... Пойду на воздух...

– Вниз не ходи!.. Иди на крышу!.. Чтоб комендатура не загребла!.. – последнее, что я услышал от них, выходя на лестничный пролёт...

На крыше, нечаянно спугнув стайку голубей, обнаружил грубо сколоченный лежак. Никаких других сонно-загорающих военных здесь не было... «Наверное, Якут соорудил! Чтобы по ночам наблюдать за звёздами... За Белой Медведицей... А я и не прочь сейчас хоть с белой медведицей, хоть с американкой, только желательно "пояпонистее", здесь, на этом лежаке, в амурных объятиях поломаться...» – Игривые, хмельные мысли озорно навивались в лучах июньского солнышка и освежались ласковым «Дувашей Ветерком»...

К краю крыши я не стал подходить, чтобы со двора и улицы не привлечь внимания караула комендатуры. Взору предстала светло-бежевая нарядная «Прага»... начало Гоголевского бульвара, улицы Старого и Нового Арбата... Размеренно, деловито двигались автомобили, что трудно себе представить в сегодняшнем «селёдочно-бочковом» времени... Дви-

гался разнопёстрый муравейник людской толпы, создавая небольшие группки у ларьков с мороженым, автоматов с газированной водой, кабинок телефонов...

«Эх! Крылья бы Икара!..» Прилёг, растянувшись на лежаке и зажмурив глаза в благодных мечтаниях, я не заметил, как заснул...

Проснулся от сильного, канонадного, с раскатами и вспышками молнии, грома... В то же время в стороне светило солнышко. Аллюром прошёл сильный, кратковременный дождь... Расцветила в небе мостиком, соединяя Старый и Новый Арбат, ярмарочная радуга, на которую я любовался ещё долго из пристроечного флигелька, спрятавшись от дождя...

«Стенд!.. Стенд!.. Сколько времени?!» Бегом спустился по лестнице. Сильным рывком оторвал дверную ручку. В разгорячённой запальчивости стал тарабанить кулаками по двери «сторожки»... Ударил ногой, она отворилась вовнутрь... Разбросанные гильзы папирос «Беломора»... Перегарно-конопляный запах «косяка»... У стола, друг на друге, крестнакрест, поджав ноги в позе лотоса, лежали оба ключника... Видимо, один изображал из себя северного тюленя, второй – каракумскую кобру. Кивали лбами и, промахнувшись, остались так лежать, вырубившись полностью, в сиамско-арбатской позе закадычных ключарей. Я в отчаянии попинал их ногами... Ласково называл по именам, умоляя очнуться. Тормошил, затем колошматил руками...

– Отур!.. Тур!..⁴ – орал, толмача на их международном санскрите. – Чикишь бер!⁵

Что они чурбанские суки, не понимающие степень политической ответственности!.. Что завтра утром мы будем вспоминать «кузькину маму» и «кириндашей» (сестёр). Всё оказалось тщетно!.. На их губастых мордоплюйках появились слюнявые пузыри, бормотанно свидетельствующие, что тяжёлое, с накладкой марихуаны, опьянение наступило бесповоротно и надолго... Я присел на табурет и закурил... Потянулся к столу за бутылкой «Тархуна»... Задел плоскую фляжку, она упала, из-за неплотно закрытой крышки вытекла жидкость... Моментально поставив фляжку на подошву, чиркнул спичкой, поднеся её к разлитому. Мгновенно вспыхнувшую, почти невидимую, сине-фиолетовую ауру спиртового индиго прихлопнув, накрыл журналом «Огонёк»...

«Хитёр бобёр ты, Якут!.. Принёс, значит, литр!.. Хотя какой ты бобёр?! Свинья в калу!.. Нет, тюлень!..» – И любовно пнул его сапогом по заднице...

Выпив с расстройства два раза «по сто» разбавленного тархуном «озверина», заносчиво приободрился и отправился искать нужного мне человека – модель, стилиста, натуралиста; не помнил я название, с кого срисовывают... В общем, не важно!.. «Нужно изобразить статую Свободы – намалюем!.. Будет не похожа?! Всё списывается! Сами говорили – "акулу империализма"! Уродливую! Получите дикобраза!..» С этими оптимистично-неореалистическими художественными помыслами я шёл по широкому коридору, минуя лестничные марши, как вдруг, уколотый шпоровой мыслью, резко остановился...

«Ё-моё!.. Батюшки!.. Ведь не найду дорогу назад!..» Постоял в замешательстве, развернулся, чтобы идти обратно, как услышал тихое посвистывание, завывание-запевание горного жаворонка... Из полутёмного пролёта зонного коридора появился силуэт военного, в котором я определил такого же ключника: связка ключей тихонько побрякивала у него на поясе...

– Ты кто, военный?!

– А ти кто?

– Я здесь по особому военно-политическому заданию капитана трибунала Зверюгина! Мне приказано брать в помощники пригодных моделистиков!..

– Какая такой мудилистика?! – испуганно моргая глазами, пропел солдат.

⁴ Встать! Лечь!

⁵ Давайте закурим!

– Отказ будет расцениваться как уклонистское, саботажное вредительство! Снимут с ключной должности на лопату!.. В содействии же мне поощрят! Дадут отпуск домой!..

Ключник раздумчиво зачмокал губами...

– Сам откуда родом?

Военный моргнул миндалевидными глазами:

– С Ош...

– Какой Ош?!

– Ош, Киргизия...

– Как звать тебя, киргиз?!

– Я не киргиз! Я узбека, Орихм Орехимбаев!..

– Ну что же, Орех, будем знакомы! Борисов Александр, уполномоченный политруководством!.. В общем, военспец по художественной части... Ты дорогу к Василькову с Кульмандиевым знаешь?!

– Да кто их, шайтан-майтан, барыг, не знает?! Калым дыкин, камандирам, знатно, значит, деньги сулят-мулят... А так давно би сартири чистили!..

– Так вот, к этим калымдэкенам мы сейчас и отправимся!.. Там, в большой зале, находится подготовленный стенд...

Придя в свою строительную зону Ж(;) «Завтра утром будет жопа!..» – неожиданно высеклось обжигающей искрой в хмельном сознании. Но быстренько загасив панику: «Тьфу!.. Тьфу ты!..» – пшиком бравады я объяснил товарищу предстоящую творческую работу...

– Грунтовать не будем!..

– Но тут же следа на фанера от солдатской сапог?..

– Так андеграундней, Орех, акула империализма выглядеть будет!.. Ничего ты не понимаешь в неореализме!.. Можешь ещё плюнуть!.. Хотя постой, не надо! Пойдём за красками, кистями... Но сперва заглянем в ключную...

В каптёрке в позе облёванных «хана-мздаимских» близнецов продолжали спать «абрек-кульбек» Кульмандиев и жёлтый, как снег в Нижнем Тагиле, Васильков... Посмотрев на удивлённо-испуганный взгляд узбека, я лишь глумливо подтвердил: мол, потеряли координацию... медитируют...

– Ва-ай!.. Какая кардинаций?!

– Успокойся, Орех!.. Хорошо, что не ориентацию!.. Ты давай присаживайся, коллега, к столу... Ужинать будем... Правда, остались одни рыбы хвосты... Но хлеб-соль есть!.. Что ещё нужно солдату!.. – И разлил разбавленный спирт по стаканам...

– Вай! Ай-яй-юшки! Намь незя! Незя намь!..

– Незя-незя!.. – строго передразнил я. – Помнишь, что будет за отказ в содействии и по оказанию помощи мне?! И что будет, солдат, если комбатовский, французский одеколон влить в кульмандиевские сапоги?!

– Ва-ай!.. Какая франчуза комбата диколон?! Зачемь сапок?! – растерявшись, залепетал сторож...

– Давай пей! Художественный промысел требует! Новаторства в полотне больше будет! Не тяни резину!.. – И помог довести руку со стаканом до шеи с трясущимся от волнения кадыком... – Ну! Чебурил-ло! Двигай губами!..

Ключник залпом глотнул из стакана...

В запрокинутой голове зрачки глаз уплыли за веки... Небольшая пауза, тишина... Ни кря... Ни га-га-га... Ни кашля... Ни «ух-ахового» удовлетворения... Мановением беды я испугался и засуетился...

– Сейчас, Орех! Сейчас!.. Давай закурим!..

Взял беломорину со стола и вставил ему в рот...

– Кури, Орешек! Кури...

Поднёс зажжённую спичку, не догадываясь о том, что часть папирос, лежащих на столе, были забиты «травкой» руками валявшихся на полу ключников...

Орехимбаев затынулся раз, ещё раз... Из-под верхних век выплыли крупной ядрицей чёрные зрачки глаз, зачихал, просопливился и запел песню «О комсомольской юности...»

– Ёрген мурген комсомол!.. Комун мурден комсомол!..

Весело, залихватски передразнивая, я, вторя, подпевал ему:

– ...Одна палка, два струна!.. Я хозяин вся страна!..

Неожиданно прервалось задушевное сопрано, певчий агитатор рухнул лбом на пол, не проронив ни слова...

– Ты чего, Орех?! А?! А-а-а! Я сразу же почувствовал в тебе какой-то подводный камень!.. Раскололся Кокос!.. Ну, блин, и помощнички!.. Ну, блин, работнички!.. Ключники, бл..., одним словом!.. С кем теперь будем стенд рисовать?!

Опустошённым в отчаянии взглядом осмотрел комнату... В углу – висящая на гвозде солдатская шинель. Разбросанные грязные тряпки, клочки газет, объедки... Измято-протёртый плакат на стене – Аллы Пугачёвой, из кинофильма "Женщина, которая поёт...". «Наверно, самоварят блудным сапожком, глядя на неё!..» – злым "цедом" оценил я афишу... Тёмно-серое окно, за которым «июньским банщиком» подглядывала парная ночь с тусклым фонарём-полумесяцем... «Сколько времени?.. Предположим, сейчас одиннадцать-двенадцать часов ночи... Значит, осталось семь-восемь часов на исполнение заказа...» Мучительно, помня о задании, подвывая, размышлял... «Что же будет?! Что же будет?! И что же я такой-растакой несчастный?! Завтра меня повесят, как Буратино, кверху ногами, в лифтовой шахте!.. Как обещал капитан Зверюгин... Если к сроку не будет готов стенд...» Взгляд вновь скользнул по висящей в углу шинели. Будоражная мысль-идея спасительной соломки стала грязью гейзера напластываться в воспалённом воображении... «Прибьём гвоздями шинель к стенду... Строительную пластмассовую каску... Закрасим на погонах буквы СА... Белой краской намалюем на каске и погонах U.S. Army... И сапоги прибьём... Только надо самые лучшие, начищенные до блеска... Ну чем не андеграунд?! Каков, блин, перформанс этюдной панорамики! А-а?! Рокирный реверс сюрреалии! Сам Федерико Феллини оценил бы по достоинству мои инсталляции, предвоплощающие "Эврику-инсоляцию"!.. Ну надо же, чё под козырьком-то всплывает!..» И я с торжеством триумфатора оглядел валявшихся на полу ключников... Сапоги были только на Василькове... ржавые от коллекторной грязи, в которых он промышлял, торгуясь с клиентами... «Ну что же... закрасим их чёрной краской... Ладнись! Снимай, Якут, свои лыжные вездеходы!..» И с лёгкостью стянул оба сапога, которые были на три-пять размеров больше, чтобы не стричь ногти на ногах... Разложив, а затем прибив гвоздями агитационные атрибуты, написал сверху крупными, с подтёками, буквами зловещий заголовок «Акула империализма», присел на пол и призадумался над вариацией исполнения имперских вассалов-шестёрок пентагоновского «аншлюкса».

В голове «СИНЕМАльными» мыслями мелькали невыполнимые фотосюжеты... Так ничего и не придумав, я резко встал, в сердцах матерным приговором плюнул на стенд и отправился в сторожку... Придя в комнату, постоял в замешательстве возле «штабеля ключников», медленно оглядывая каждого злым, ненавистным взглядом. Очнувшись от грешных мыслей, подошёл к столу и налил в стакан спирта. Выпив, в опустошённом раздумье присел на табурет и закурил... Открыл носком сапога дверцу тумбового стола и обнаружил то, что надо по «законченной маэстральности», – лежавшую в нём тубетейку Кульмандиева. Вдохновение тайфунной волной рванулось в зал!..

Прибил у сапог статуи Свободы покрашенную в синий цвет солдатскую пилотку и написал белилами на ней: «Ля Франсе». Сложил из грязного вафельного полотенца подобие

чалмы и прибил её тоже вместе с тюбетейкой. Размашистым кистевым мазком подписал под ними фразу: «Англо-германские басмачи на службе у акулы империализма!»

– Всё! Готово!.. Красотища-то какая!.. А-а?! Какова политдиспозиция?! Просто изюмительно! Никаких лишних буржуйских политесов! Я в восторге! Поощряют! Наверняка поощряют! «...щряют... ..ряют... ..отпорят... ..ряют...» – зазвенело тихими отголосками камертонного эхо в многочисленных уголках тёмного зала...

Ещё и ещё раз оглядел стенд... И скулящая тоска стала медленно вползать в утробу, разъедая душу... За окном светало...

«Что же делать?! Что же, бл..., делать?!» – пожарной рындой заколотилось в сознании, отдаваясь набатной болью в висках и затылке... «Скажу, что не справился с ответственным заданием... Хотел как лучше... Но, увы, не получилось... Не-ет! Это детский лепет! А эти малахольные гаврики ключники... Их до обеда не раскатаешь... А капитан приедет утром, к семи-восемь часам... Раскатил губища-та! Поощря-ят! Наградя-ят!.. Поощряют, блин! Бесплатной пластической операцией с головы до пят!..»

В черед сменяющихся сценариев расправы и держания ответа «за допущенные огрехи» озарением яви нарисовался спасительный постфактум от пролога военного самосуда капитаном Зверюгиным, сержантами-«опричниками» и «старейшинами» роты... «Это не соломинка... И не бревно... А-а?.. Мать честная! Целый плот!..»

Волчком развернувшись на месте, поспешил в каптёрку. Там допил остатки разбавленного спирта, перевёл дух, закурил и «присядом» плюхнулся на топчан. Метаморфоза по загубленной, «зачмырённой»

службе более не давила на «седалищный нерв». Я знал, что делать!.. Как добавить «жёлтенького»...

За руки, возком перетащил всех троих ключников в зал, к стенду, и разложил их по его углам, всунув им в ладони кисти, молоток и веник... «Вот и законченный этюдик хеппенинга!.. Погоди, погоди... Нет законченности... А что со мной?.. Меня же за двадцать шагов видно... Что я был с ними заодно... Помятая нетрезвая харя, перегар... Здесь невысыпанием не прикроешься... Думай! Торопись! Набрасывай последние штрихи андеграунда своих инсталляций!..»

Облил красной краской солдатское полотенце. Добавил на пятна растворителя – для убедительной въедливости и перебивания спиртного запаха – и повязал бутафорную вафельную примочку на голове: якобы мне разбили голову табуретом... «...Дедовали, мол, ключники! Праздновали черпачество!..» На теле жёлтым, чёрным и синим растворителем «скамуфляжил» синяки и ссадины... Надел форму, закурил, задумался, вновь проворачивая в сознании, «как всё было!»... «Мол, выпили ключники... Обкурились... И вместо помощи мне... Стали меня одного по ранжиру строить... Учить кулаками и ногами уму-разуму... Показывали, мол, кто здесь, на объекте, художник... Долго спрашивали, понял али нет!.. Возможности доложить-позвонить не было... Временами терял сознание от изуверов... Не подчиняясь их требованиям рисовать стенд вместе с ними... Да-а, мол, вы и сами всё наглядно видите!..» Лёг на топчан и заснул безмятежным мертвецким сном...

Потом уже меня долго, говорят, будили. С матерной истерикой тормозили и поднимали сидмя на топчане, я вновь падал, как неваляшка, только в обратную сторону. В каких часах утра и сколь долго продолжалась эта нервотрёпка, я и понятия не имел...

* * *

Очнулся в лазарете...

Некий леший в белом настойчиво тряс меня за плечо, поднеся к носу вату с нашатырём. Раскрыв глаза линзовым кругозором, я зачихал от удушья. Фельдшер склонился над моим лицом и с еврейским акцентом, картавя, ехидно спросил:

– Жив, коматозник?! Ты что, художник-бодуножник, клея бээфного облопался?! У нас здесь с солдатами такая напасть случается! На многих стройобъектах он бочками стоит! А чего голову красной краской облил?!

– Мне разбили банку об неё... Хотели, наверное, ликвидировать... Заставляли растворитель пить... – прохрипел я, хватая воздух ртом. – Дайте воды... Воды дайте!..

– Ну, отдыхай, художник... Вечером приедет капитан, который определил тебя сюда... Служивый! Принеси ему воды!.. – приказным фырком обратился он, уходя, к сидевшему на койке больному солдату.

Жадно, с прихлёмом выпив пол-литровую кружку воды, я выяснил у него, в какой санчасти нахожусь и что творилось, когда меня привезли в эту «клинику»...

Медчасть была от воинского «желдорбата», в солдатской терминологии – «жондорбат» железнодорожных войск... А как привезли? Как обычно, на носилках... В душе затеплилось: родные пенаты, ведь сам окончил железнодорожный техникум на техника, машиниста электровоза. И мяучной радостью поведал об этом «лазаретчику»...

– Ты только не шибко радуйся!.. Здесь солдаты не на паровозах рассекают! А чумавозными дизелями шпалы на себе возят!.. Ну да ладно, это я так, к слову... Гриша!.. – И протянул руку...

– А-а?! М-да... Саша... Борисов...

Пожав ему ладонь, я в тревожной задумчивости отвалился на подушку... «Вот тебе Маркиза-кот! И картины Карабаса в мазутном солидоле! Не дай бог оставят здесь... Пудовые кувалды, гаечные ключи с ладонь, кирки с костылями, совковые лопаты с тачками будут полновесно обеспечены всем сроком службы!.. Нет!.. Художник я! Художник! – мысленно вопило сознание... – Не дали, суки борзогенные, стенд оформить! Воплотиться таланту!..» Костеря судьбинushку, я не заметил, как вновь погрузился в муторный, ещё похмельный сон...

– Сол-да-а-ат!.. Подъё-о-ом!.. – Голос пробивался с нарастанием сквозь серую, липкую дрему. – Бо-ри-со-глеб-ский!.. А-аю-шки-и!.. Про-сы-пай-ся!.. Ху-до-ба-а!.. Ан-де-гра-унд-ная!..

Открыв глаза, увидел перед собой того самого глянцевого ефрейтора, «ординарца» капитана Зверюгина, ехавшего со мной в уазике на объект Генштаба... На плечах старшего солдата был накинут белый медицинский халат. Лукавая, самодовольная улыбка предсказывала крупные, крутые изменения в моей солдатской карьере...

– Я Борисов... Александр... Почему Глебский?..

– А па-па-патаму... М-м-ма-эстро!.. – захлёбывался он дурашливым смехом. – Будет с тобой как в средневековом Киеве... Где убили благоверных князей Бориса и Глеба!..

– За что?! Я же!..

– Ты, бедолага, хороший! Ты пушистый! Прохиндей!.. – злорадно глотая слюни, продолжал смеяться ефрейтор. – Думал, ты самый умный! Шелленберг, бл...!..

Я перебил:

– А откуда вы знаете про андеграунд?..

– Чебуреки рассказали!.. Долго каялись... Прощения просили... Все трое, по отдельности измышлять не могут!.. В ногах валялись... Почти сапоги лизали у Зверюгина... Думаешь, их били?! Да их и пытаться не нужно было! Капитан сказал им, что отправит всех домой по комиссаци, с позорной статьёй в военном билете... А для них в кишлаках, аулах и ярангах это равносильно... – Ефрейтор смаковал, подбирая фразу. – Кульмандиев, как ишак, орал!.. Сопливыми слезами поливал пол перед нами!.. «Вай-ай! А-а-вай! Капитана, не губи!..

Комиссуюещь – нэт мнэ дорога домой!.. В родном кишлаке не поймут!.. Прокажённным для достопочтенных буду!.. И я не знаю тогда, командира, что мнэ делать! То ли застрелиться?! То ли утопиться?! То ли на тэбе, капитана, жениться?! Что, в общам, одно и то же!.. Не отдадут за меня невесту Роксан! Не отдадут! Полкалыма за неё уже уплочено! Возьми две тысяч! Вторую половину копиль маль-помалю...» Якут Васильков подвывал рядом с ним, что он не пил! Якуты вообще не пьют! Якуты кита есть любят!.. Мол, надышался растворителем... И всякое такое... Что впроголодь живёт на объекте... На финский салями, осетрину с икрой еле-еле хватает... Что у него никаких Роксанов нет! И калымов, стало быть, тоже!.. А вот приготовленный продуктовый презент сожрал шайтан-художник Борисов!.. «Шайтян, бл...! Шайтян!.. Мамой клянусь!..» – поддакивая, продолжал завывать в это время Кульмандиев...

– А... Орех?.. – с опустошённой простонал я, откинувшись на подушку, понимая, что весь мой оправдательный замысел лопнул, как мыльный пузырь...

– Какой орех?.. – недоумённо спросил ординарец.

– Орехимбаев... Ключник с другой зоны...

– А-а!.. Тот-то от страха глухонемым стал! Всё глазами моргал... Зрачки закатывал... Такой болтун оказался, что руки сохнут!.. Для них Борисов!.. – Ефрейтор чародейно, с паузой, посмотрел на потолок: – Комиссация! Перекул кин ин мора! Смерти подобно! Надпись на латыни такую читал?!

– Не попадалась... – обескураженно промямлил я.

– Над дверью реанимации!.. – с гонором «знайки» пафосно произнёс он... – Это для вас, русских... комиссация – праздничное избавление от египетского рабства!.. Вам доктор-хирург в кабинете, чтобы осмотреть задний проход, говорит: «Раздвинь ягодички...» А вы... с обнадёжей, заискивающе, радостно орёте: «Чего-чего там, доктор, не годится!» Лишь бы не служить, отмазаться!..

Я резко оборвал его нравоучение:

– Тебя как звать, ефрейтор?!

– Серёжа... А что?..

– Так вот, Сырожа!.. Ты! Чё припёрся! В модуль захотел?! Не смотри, что я раненый!..

Ординарец взмахнул руками:

– Да ладно тебе, Борисов... Успокойся... Я сейчас от них...

– От кого это – них?!

– Из кабинета майора Сватова... Ну он командир этого жондорбата... А Зверюгин и старший лейтенант Леденцов у него в гостях... чай пьют с огурцами... Третий заварник опачивают!.. Долго хохотали над утренним генштабовским перфомсом...

– Перформансом! Деревня!.. – громогласно, на всю палату, назидательным утёром поправил я глянцевого «знайку»...

– Хорошо, перфопансом!.. Ну так вот... Слушай!.. Сегодня, понимаешь, на объект должен был приехать Епишев!..

– Кто это?..

– Как, ты не знаешь?! Начальник Политуправления войск СССР!.. – на одном благоговейном дыхании отчеканил Серёжа. – Вот был бы конфуз! Если бы он увидел этот стенд! Акула империализма!.. Но ничего, выкрутились... Быстро на ватманах фломастерами написали лозунги, призывы и приклеили их к лопатам... А Епишев в этот день на объект Генштаба так и не приехал... Говорят, со свитой отправился осматривать объект АГШ⁶. Я, Борисов, к чему всё клоню-то... – лопотал Серёжа. – По тебе, Саша, в том кабинете Сватова всё решили...

⁶ Академия Генерального штаба, которая параллельно возводилась на юго-западе столицы нашим УНР.

– Чего решили-порешили?! – как гончая борзая, подскочив на койке, востро-настороженно спросил я.

– Старший лейтенант Леденцов к себе в роту тебя забирает...

– Я что, кошка?! Собака?! Чтоб меня забирали! Забивали! На пересыльном футболили-мурыжили! То в взвэшники! То артиллерия с морфлотом! То стройбат со Шпицбергом! И здесь, в Москве! То художничай! А того и гляди мудожничать начнут! Акула империализма, понимаешь ли, им не понравилась!.. – тревожную дрожь души с нотками истерики, околесную правду-матку понёс я, грозно глядя на ординарца...

– Борисов! Сашка! Да ты успокойся! Дослушай меня!.. Пока я прислуживал в кабинете... Стаканы, тарелки менял... Ставил записи Аркаши Северного... Лакейным прислухом вызнал... что часть, в которую ты отправишься с Леденцовым, передислоцирована из Свердловска и влилась в наш УНР... Леденцов же – кстати, величают его Георгием Львовичем – бывший десантник... Разжалованный с капитана в старлеи... За что? Выяснить не удалось...

– А тут и выяснять нечего!.. – ехидно вставил я. – Свернул скворечник крыльцом на косоворот! Или «Калинку» на рёберном клавесине Бахом проиграл... Ну! Чего там дальше вынюхал?!

– Леденцов – москвич... Проживает на Ленинском проспекте... Разведён... Как ему удалось из приморского десанта в Москву в стройбат перевестись?!

– Через товароведа!.. – вспомнил я сатирический монолог Аркадия Райкина. – Разделёшь давай дальше!..

– Ну так вот... Как я понял из разговора... часть-то эта переведена только по бумагам...

– Как это?!

– Значится в городе Видное, посёлка Мосрентген, за Тёплым Станом... Там же Таманская бригада расквартирована... Суворовское музыкальное училище...

– А мы между ними?! Да-а?! – продолжал я, скрывая внутреннюю тревогу, паясничать...

– Слушай и не перебивай!.. Ваша часть, а вернее, одна граница территории примыкает к крематорию Хованского кладбища... Но он не работает... Говорят, мхом зарастает...

– Это плюс!.. – надув щёки, опять съёрничал я.

Ефрейтор пояснял далее:

– А другой край территории примыкает к сбросовому, вонючему болоту...

– Это минус!.. А про часть-то что?..

– А я тебе и говорю, Борисов! Тер-ри-то-ри-я! Ни казарм! Ни столовой! Ни бани с клубом!..

– Ни девочек!.. – обзлётно съязвил я...

– ...Возвели лишь вокруг необтёсанный забор с КПП да три времянки... Два металлических ангара с целлофановыми окнами, то бишь казармы... И фанерно-блоковый двухэтажный штаб... Офицеры части все, как Леденцов, из разных родов войск... Кто из автомобильных, кто из трубопроводных, кто из пехоты... Странно, однако?! Как у батьки Махно!.. Прапоров не хватает... Значит, радуйся, Борисов! В полную силу будут зверствовать сержанты!..

– Так где ж, как не на болоте, отчаиваться-то?! Вот и свирепеет народ... – с тоскливой отрешённостью, проклиная невезуху, горестно процедил я, обхватив голову обеими руками...

«Бе-жа-ть, бежать отсюда надо! Хватать костыли, прислонённые к койке лежачего солдата... И скакать, скакать, куда глаза глядят! А потом явиться в военкомат... слёзно объяснить: так, мол, и так... смалодушничал призывник Борисов... Не понравилось служить в

стройбате... Да и присягу я ещё не принял... Давайте во внутренние войска! На вышку! К сторожевым псам! Собак я люблю... Хоть и сам в год Кота родился!..»

На душе было так пакостно, что я не заметил, как перешёл к размышлению вслух... Ефрейтор, удивлённо открыв рот, смотрел на меня...

– Борисов! Сашка! Очнись! Послушай меня!.. Ведь я служу уже второй год и знаю стройбат с изнанки... Если часть ещё бумажная?! Значит, там свободны колбасно-кадровые вакансии... Ну это бухгалтеры, нормировщики, водители, обслуживающие часть, кладовщики, электрики, повара, хлеборезы... Ты же с образованием! Художественное училище окончил!..

– Какое, бл..., училище?! Технарз железнодорожный!..

– Ну вот! Ты и нарасхват! – хлопнул он по плечу. – И механик, и сторож гаража!.. Леденцов между делом оговорился... что комбат хочет к его роте и свиарник прикрепить... В жратве с избытком будешь!.. В полном довольствии!.. При свиньях-та! А-а!..

– Какие свиньи, Серёжа?!

– Ну эти самые, Саша! Кабаны, свиноматки! Ну, в общем, не отчаивайся... Я чё зашёл-то?! Чтоб посмотреть на тебя и доложить Зверюгину, что ты в полном порядке и сегодня вечером можешь ехать с Леденцовым в его часть... Да! И не коси под больного! Хуже себе сделаешь! Разозлишь Зверюгина... А он намедни благодушный... И путя кривая вывела Ивана-дурака к тридевятому царству!..

– И к Царевне-лягушке! – страдальческим сарказмом дополнил я свою перспективу.

– К болоту! К лешему! Едрёна плесень, едем!.. – И задумчиво перекрестился...

Ефрейтор в паузе неожиданного открытия, с открытым ртом забившегося «сифона-брехослова», вытаращенными глазами смотрел на меня... Очнувшись от мимолётного забвения, невдомёк себе засуетился.

– Ну, в общем, давай собирайся!..

– Да мне и собирать-то нечего...

– Ну тогда приведи себя в порядок! Побрейся полностью! Голова вся в красной краске!

– Форма тоже!.. – крикнул я с койки. – Наволочку стирать?!

– Насчёт обмундирования доложу Зверюгину... Занесут... Ну, держай, Борисов! Можя, ещё встретимся! Не унывай!..

(Серёжа оказался провидцем... Мы ещё не раз встречались с ним на объекте Генштаба. Перетирали военную жизнь, «(у)волнительные» свидания с девушками... Лихо отпраздновали его дембель в ресторане «Парус» на Лермонтовской, с курьёзным попаданием на комендантскую гауптвахту...)

После тёрного мытья с содой и карболкой, бритья лица и головы фельдшер принёс мне новенькое обмундирование и, положив на табурет, лукаво промурлыкал:

– Сватьёфф приказали ждать...

И, порхнув белым халатом в проёме двери, волоча, загромыхал солдатскими сапогами по коридору санчасти...

«Ножки тоненькие... А жить-то?! Ой как хочется!.. Хорошо устроился пацанчик! Тут тебе и тепло, и покой с бинтами... И спирт!..» – завистливо рассуждал я, одновременно надевая принесённую солдатскую форму...

Выйдя на коридорную пролётку, оглядел себя нового в настенном зеркале: «Огурец, блин!..» Провёл ладонью по выбритой голове: «Надо маслом натереть бильярду и зайчиков пускать на солнце...» Обернувшись, посмотрел на тёмное окно... Зашёл в фельдшерскую каптёрку и спросил, сколько времени...

– Двадцать два десять! Отбой по части!.. И лазарету тоже!.. – недовольно затараторил санинструктор. – Иди ложись спать, Борисов!.. Дежурный прибежит – по телефону сообщат... Мы тебя разбудим... И не шатайся по медпункту!..

Не раздеваясь, «батутным прилягом» плюхнулся на койку. Скрип кроватных пружин несколько секунд перемешивался со звуками кряхтений, урчаний, тихого похрапывания... Кто-то провокационным трубачом в тёмном углу палаты мажорным пуком прогорнил ложную «Зарницу»... «Однако ж!.. Носики-курносики сопят...» – с ухмылкой напел про себя мотивчик хитовой песни Валентины Толкуновой...

– Подъём!.. Борисов! Подъём! – фельдшер с торопливой нервозностью тряс меня за плечо. – Быстренько протирай глаза и дуй к штабу!.. Там! У крыльца! Тебя ждут Зверюгин и Леденцов!..

– Слышь, сестричка?! А он что?! Намеренно фамилию изменил?! Ну Зверев... Ну Зверобоев... Ну, бл...! Не слышал я такой фамилии!.. Ему с таким погонялом! Лет семьдесят назад! Сподручней было б в Семёновских войсках служить! Иголки под ногти комиссарам запихивать!..

– Не морочь мне голову, Борисов! Нам всё равно, Зверюгин или Барсюгин... Лишь бы человек был хороший... – томно, распевно выговаривая, урезонил меня еврейчик... – Поторопись давай к штабу! А то неприятности схлопочешь!..

– Всё равно лизать не брошу... Потому что он хороший...

– Ты! На что это намекаешь, солдат?! – дёрнувшись всем телом, взвизгнул он.

– На плюшевого мишку... Которого у тебя в каптёрке видел... Почаще тренируйся на нём уколы делать... А то вчера в процедурной... солдатик так орал! Что я, со сна очнувшись... подумал... что нахожусь в камбоджийских джунглях... Ну! Покедова, фельдшерюга! Не поминай лихом!..

– Катись отцеля, хам!..

Выйдя на крыльцо санчасти, глубоко вдохнул ещё прохладный утренний воздух, постоял, опершись на перила, подавляя засос тревожной протрации... Видимо, не случайно америкосы во многих кинофильмах вопят: «Хьюстон! Хьюстон! У нас проблемы! Спасайте наши задницы!..» Чирикая, пролетела воробьём под пилоткой паникёрская афоризма чужеземных обстоятельств...

«Левой... Левой, солдат... Не выказывай беспокойства...»

Подходя к штабу части, увидел стоящих у автомобиля двух офицеров: капитана Зверюгина и того самого – старшего лейтенанта Леденцова. Высокого и атлетически сложенного. Старлей весь был с головы до ног в военном индпошиве. Офицерская фуражка с «пиночетовской» высокой тульёй и с лакированным костяным козырьком. Шерстяное английское сукно формы. Чулочным обтягом в голенищах, блестящие сапоги... «Наверное, из солдатской кожи...» – чёрным сарказмом невзначай вылетело шёпотом из уст оценочное заключение...

Остановившись, быстро оправил форму и строевым шагом подошёл к офицерам, чётко, с пристуком каблука сапога, отдав им честь...

– Товарищ капитан! Рядовой Борисов! По вашему приказанию прибыл!..

Офицеры медленно, с ухмылками, осмотрели меня. Прервав «обглядную» паузу, капитан, слегка кашлянув в кулак, произнёс:

– Рядовой Борисов! Поступаешь в распоряжение старшего лейтенанта Леденцова!..

– Разрешите, товарищ капитан, задать...

– Отставить, рядовой! Будешь много задавать вопросов – поедешь в трубопроводную ассенизаторскую часть! Слоником служить! Не расставаясь с противогазом! Так что! Шагом марш в машину! Старший лейтенант Леденцов, Георгий Львович, будет задавать тебе вопросы!..

В машине я перекинулся парой фраз с шофёром. Кто из какого «зоопарка» родом, о том о сём, солдатском... Офицеры ещё минут пять курили и смеялись, обсуждая что-то неординарное. Затем Леденцов сел в кабину на переднее сиденье и нарочито хлопнул дверью...

– Поехали отсюда! Смерть колымагская! Заводи бибику!.. – рывкнул он водителю-киргизу, с которым я успел познакомиться...

Поначалу ехали молча. Выехав на МКАД, Леденцов, не оборачиваясь, повёл разговор:

– Взял я к себе тебя, Борисов, не за художественный авангард... Таких, бл..., Бендеров в любой части хватает... Поэтому... заруби себе на носу! Такая культяпная гамадрилья! У меня в роте не проскачет! На хитромудрую задницу! У нас найдётся ключ – хрен с винтом!..

– Так у меня же гайка на пупчике, товарищ старший лейтенант...

– Ты про чё это пискнул, солдат?! Какая гайка?!

– Отверну – и жопа отвалится... – улыбаясь, глядя в боковое окно, брякнул я...

– Шутишь?! С огрызмом шутишь! Это хорошо!.. Не прогадал я в тебе, Борисов, когда просматривал твоё «Личное дело»... Так вот! Ты слушай, солдат, и больше не перебивай!.. Скоро приедем в часть... Зайдём уведомлением в штаб... Опосля в роте перед строем представлять тебя будем...

Затаив дыхание, я слушал Леденцова, побаиваясь даже ёрзнуть на сиденье, чтобы смягчить толчки, броски, удары от ухабистой дороги...

– Так как у нас в части не хватает младших офицеров, временно будешь исполнять обязанности замполита роты... Одновременно!.. Комсорга и спортивного организатора... В документах указано!.. Что ты, Борисов, КМС по велоспорту... Но так как у нас в армии велосипедов и самокатов нет! На них, бл..., фрицы ездили! Будем много бегать!..

В деле также отражено, что ты награждался грамотой от райкома комсомола...

– Да-а, за дополнительные, разнородные членские взносы, которые учтиво собирал с товарищей... Ну там... ДОСААФ, Красный Крест с полумесяцем, в защиту социализма Анголы... – достав платочек и сморкнувшись, скромно добавил я новые подробности к своей биографии...

Леденцов, ухмыльнувшись, продолжил:

– ...На протяжении четырёх лет обучения признавался одним из лучших комсоргов отделения и техникума... Вёл кружок и собирал студенческие семинары-собрания по эстетико-нравственному воспитанию молодёжи...

– И в школьной пионерии звеньевым был!.. – подпрыгнув на сиденье, во всё горло гаркнул я, выронив жевавшуюся спичку...

– Отлично!.. Будут у тебя, Борисов, и пионеры!.. У нас многие солдаты имеют лишь начальное образование... Дети гор и пустынных кишлаков... Придётся, комиссар, ещё и учительствовать!..

Съехав с кольцевой автодороги на Калужское шоссе и протарахтев по нему километра три, свернули на неприметную узкую асфальтированную дорогу. Проехав немного, остановились у шлагбаума лётной части, назначение которой объяснялось голубыми погонями и петличными знаками у караульных солдат. Постовые, проверив документы, разрешили проезжать. Скатившись с пригорка, через триста метров встали у КПП части с грязно-зелёным деревянным забором. Дежурный по посту младший сержант, отдав честь Леденцову, высунувшемуся из окошка кабины, без проверки документов рывкнул солдату, чтобы тот быстрее поднимал оглоблю бутафорского шлагбаума. Подъехав к двухэтажному блочно-фанерному штабу части, старлей, выйдя из машины, приказал ждать его у крыльца. Прощаясь с киргизом-водителем, я спросил у него сигаретку. Тот, достав из брючного кармана полпачки помятой «Примы», протянул мне:

– Бери всю... Тебя здесь никто не знает, и закурить никто не даст... Крупянин!.. – громко крикнул шофёр, обернувшись к штабу.

Из окна второго этажа высунулась очкастая мордочка солдата.

– Я-я... не Крупянин, киргиз! А Кру-пе-нин! Пора бы запомнить!..

– Секретарша комбатовская... – пояснил водитель.

– Он чё, баба?!

– Какая баба?.. А-а!.. – засмеялся. – Крупенин!.. Я поехал в гараж!.. Доложи дежурному по части!..

– Сам доложи!..

– Ну, будешь сам пешком до Москвы ходить! Штабная крыса!..

Я огляделся... Штаб стоял на пустой просторной поляне, которой предстояло стать плац-площадкой. В углу будущего «пешкодрома» находилась группа солдат, которая дробила ломом куски битого кирпича, бетонного строительного мусора и разбрасывала совковыми лопатами, утрамбовывая ручными чугунными болванками... «Готовятся к параду...» – навеялись осмотром смешковые мысли... В стороне располагались длинными зелёными домиками две деревянные казармы, третья строилась поодаль. Санчасть находилась на первом этаже, в правом крыле штабного здания. В левом же находился магазин, что приятно удивило. Через щели забора просматривалось болото, про которое рассказывал ефрейтор Серёжа, «побегушник» капитана Зверюгина... «Да-а... не пыонерский интерьерчик лагеря...» – шурясь на солнышке, продолжал я ёрничать мыслями, ожидая командира роты...

Вышел Леденцов.

– Ну что, Борисов... Пойдём в расположение роты... Мы временно расквартированы в складском помещении... Вынесенном за границу территории части...

Пройдя через открытые ворота ещё одного «забора-огорода» соседнего строительного батальона, вышли через его КПП на улицу и направились к видневшимся невдалеке двум металлическим ангарам. В одном располагалась третья рота...

– Слева наша... Вторая... – пояснил на подходе к ним Леденцов. – Рота сейчас работает на строительных объектах... В казарме присутствует старшина... Дежурный по роте с дневальными... И отдыхающие солдаты после ночной смены... Так что представлять тебя перед строем будем вечером... А сейчас ознакомишься с обстановкой... В командирской комнате введу в курс дел и обязанностей, распоряжений и прочая...

На подходе к казарме стала видима и слышна суетня военных строителей. Ветром сдуло с крыльца главного входа куривших и бездельничающих солдат. Беспорядочным гулом разногласия и камертоном отзвучивала железная постройка через порванные целлофановые окна...

– Ва-ай! Ротник идёт!.. Вай! Газет несёт!..

Никаких газет у нас не было. В левой руке старлей держал скрученный в трубочку агитационный плакатик...

– С кем идёт?!

– С солдаткой шагает!..

– Шухер! Прячь карты! Кто шестёрку заныкал?! Дрочилы! Опять самую красивую бабу!..

– Бычки! Бычки скорее убирайте! Жевать и проглотить заставит!..

– Рогожкин, бл...! Ты зачем под койку лезешь?!

– Убьёт! Я сегодня не в ночь, а днём работаю!..

– Поправьте койки!..

Леденцов остановился. Нагнулся, поднял сломанный черенок от лопаты и запустил им, как горошоной битой, на крышу ангара, на скате которой загорал «дедушка». Палка упала рядом с солдатом, произведя как в его сне, так и внутри металлической казармы эффект шумовой гранаты. Тот подскочил как ошпаренный и, потеряв равновесие, кубарем скатился

вниз. Ещё мгновение – и чёрно-парусные трусы с дырами мелькнули в проёме входа в ангар, в котором воцарилась мёртвая тишина...

В мыслях иронией зазвучал куплет народной песни: «...Все пропил я золотые горы, и жопа светится, как луна!..»

– Дежурная по роти на выход!!!

– Дежурная по ротэ ефрейтор Мурзьябаев!.. Товарищ старший ли-тинант!.. – Ефрейтор виновато-растеряно зашмыгал носом и потупил взгляд в пол. – Забыль... Вообще... Всё по распорядка... По назначений смена и наряд... Происшествия нету...

Леденцов вместо козырькового приветствия сжал кулак – видимо, по-другому намеревался поприветствовать дежурного по роте, но передумал.

– Где старшина?!

– Старшина в каптёрка, белью считает...

В каптёрке присутствовали двое солдат, которые ремонтировали солдатские сапоги, просящие лишь одного – свалочного покоя. Старшина валялся на койке, просматривая картинку доярок в популярном журнале «Крестьянка». Увидев нас, встал с койки и с улыбкой пожал руку Леденцову. Солдаты продолжали тачать сапоги...

– Субординация на уровне... – с сарказмом отметил я.

– Ты чё, Львович? У тебя же выходной! С пассией поссорился?..

– Раздохнёшь тут с вами! Стоит на день отлучиться! И воинское подразделение в армию Мапуты, бл..., превращается!.. Старшина! Будь построже к сержантам! Пусть повысят воинскую дисциплину!.. Вот наш новый комсорг... – оборачиваясь ко мне, представил он старшине. – Рядовой Борисов!.. Также будет исполнять обязанности замполита роты...

Тот посмотрел на меня недружелюбно...

– Так! Свинтили отседова, солдатики!.. Сарайкин! Чаю офицерам!.. Ну что же, давайте обмозгуем назначение. – Старшина развёл руки. – Присаживайтесь к столу.

Усевшись барином за стол, ротный продолжил:

– Вчера меня! Срочно! Сорвали с выходного дня!.. На объект Генштаба! Должна была прибыть комиссия проверка из Политуправления во главе с Епишевым! По состоянию наглядно-агитационной тематики... Международно-политического воспитания военнослужащих... В духе решений двадцать восьмого съезда КПСС!.. Наши ротные писарчуки, Токбулатов и Пурговский, работали всю ночь! Не покладая фломастеров и перьев с кистями!.. К утру на рабочих местах солдатиков висели агитки, лозунги и транспаранты. Уря! И тому подобное... А инспекция не приехала... Епишев навестил другой объект... Зато! Зайдя к другу-товарищу капитану Зверюгину, на зону Ж, чуть не лопнул от завистливой радости! По поводу изготовления главного стенда «Акула империализма»! Который намеревались вывесить утром на втором этаже внутреннего плац-двора к приезду комиссии!.. Зверюгин орал благим матом на ополоумевших от страха ключников... Я вместе с другими подошедшими офицерами мочил галстук в кипятке слёз! Ржали до умору! Успокаивали капитана... Задавали вопросы... И где он таких художников взял? Чья мастерская?.. Чуть позже, оставшись наедине с капитаном, выяснилось... Что творцом сей шедевры является рядовой Борисов! Да-да! Наш новый комиссар!..

Старшина вновь с недружелюбным недоумением посмотрел в мою сторону.

Леденцов обратил на это внимание:

– Не гляди на него волком, старшина... Борисов молодчина! В кавычках, конечно же!.. Зверюгин хоть мне и друг... Но! Конкурент в социалистическом соревновании по УНР и по зонным объектам стройплощадок Генштаба... Так что ветер-балабол разнесёт про художественный замысел-заговор капитана Зверюгина... по всем сторонам и углам округа! – Удовлетворённо потирая руки, Леденцов продолжал проникновенно вводить в курс событийных новостей незадачливого старшину. – Зверюгин неистовствовал! Когда выяснил всю правду-

матку от патриотов, Василькова и Кульмандиева! Тебя, Борисов! Собирался сгноить в говнососущей трубопроводной части! Мол, твоё личное дело у него в портфеле! Мне сразу же пришла в голову идея познакомиться с твоими документами... Хочется как можно дольше оттянуть назначение кадрового замполита в нашу роту... Зачем нам, старшина, засланные казачки-варяги?!

Самодовольно посмотрев на того, всё ещё недоумённого, и с предвкушением хрустнув пальцами, продолжил излагать ситуационное повествование... О том, как обнаружили меня беспробудно пьяного, облитого краской и бормочущего про какую-то акулу... О том, как, ознакомившись с моим личным делом, было решено оформить перевод в другую часть, предварительно перетерев-согласовав с комбатом... О том, как под видом больного меня отвезли в медсанчасть майора Сватова, общего приятеля по бильярду, пока оформлялись бумаги... Слушая командира роты, я мысленно рассуждал, складывая плюсы и минусы своей новой должности, пытаюсь предугадать всевозможные обстоятельства...

Ещё в подростковом возрасте в беседах и перекрёстных разговорах с ветеранами Гражданской и Великой Отечественной войн узнал о массовой неприязни, доходящей до ненависти, от солдата до строевого генерала, к комиссарству. Кровавое множество пораженческих бед принесло оно в годы военных лихолетий. Сколько сумасбродства и политического авантюризма было в решениях комиссаров! Партийным перстом миллионы «шапкозакидных» жизней погублены на полях сражений... «Хочу умереть в бою коммунистом!..» И никак иначе?!

И только благодаря маршалу Жукову в 1943 году, и то лишь частично, был восстановлен принцип единоначалия в воинских подразделениях. Что и по сей день комиссары пользуются преференцией в продвижении по карьерной лестнице...

«И тебя вот, Саша, назначают комиссаром?! Так что не рви задницу... А то утопят в канализации... Или кирпич сбросят на голову... А проще – задавят во сне подушкой... Что за рота? Что за коллектив? Смотри по обстоям...» Чувство гордыни размякло лимоном жалости к себе и к засохшим цветочкам в горшках-пепельницах, стоящих на подоконнике... «И не откажешься, блин... Вишь, уже всё по-кумовски порешили...»

Дневальные принесли чай и нарезанный белый хлеб с маслом. Тревога души сразу же куда-то испарилась...

– Давай, Борисов! Лакомься щедротами! Пей чай с сахаром вприкуску! И знакомься со старшиной! Он мужик что надо! Покажет тебе будущую Ленинскую комнату! Правда, в ней склад инвентаря и инструмента... Старшина! Прикажи, чтоб сегодня же! Всё выгребли оттуда и перенесли в сушилку!.. В Ленкомнате, Борисов, будет твой кабинет политрука и членов бюро комсомола роты... – ехидно улыбнувшись и зевнув, Леденцов закруглил представительскую тему. – Я в командирской! Не беспокоить меня! Часика два!.. – рывкнул он дежурному ефрейтору Мурзябаеву...

После этого в воздухе казармы повисла звенящая тишина колеблющейся от ветра металлической крыши...

– Николай Петрович Бубенцов! – с серьёзным видом нахмуренных бровей представился старшина.

– Александр Борисов...

И запнулся, не зная, что говорить дальше, уйдя мыслью в злорадное удивление: «Ё-моё! И этот фамилией звенит! Один – сосульками... Второй – колокольчиками... Ну а третий?.. Наверное, костями... Костенцовым будет! Попал, блин, в ансамбль!..»

– А по отчеству?! – громко переспросил старшина.

– А?.. Да... Николаевич...

– Ну что ж, Николаевич! Пойдём смотреть склад! Ну то есть твою Ленкомнату... С командирами взводов, сержантами – они строевики! – познакомишься вечером... Сейчас все на объектах...

В казарме царил фараоновский порядок...

– Тссс!.. Ротник отдыхает! Тиша муха чтоб была!.. – громко шипел ефрейтор Мурзябаев своим дневальным...

Двое из них специальными дощечками с ручками гладили солдатские постели, наводили кантики, чёткие рёбра прямоугольника растянутого на матрасе одеяла, независимо, спит в ней солдат после ночной смены или нет. Спящий в выпуклом к полу провале пружины карикатурно напоминал шоколадку «Кулёмка», так как был жёстко заправлен по соответствию военного убранства кровати днём...

– ...Чакмырёв!.. – продолжал шипеть ягуарской мордой дежурный по роте. – Чтоба командирское очко в туалети! Сверкалё, как зуби у арабский скакун!..

– Я не видал, как? Товарищ ефрейтор... – с дрожью в голосе прошамкал дневальный.

– Увидишь, Чакмырёв!.. Когда я на тебэ верьхом скакать буду по казарма! Есля плёхо сделаешь! Поняль?! На тебе два тюбик самой лючьший «Лесной» зубной паста! Вперёд, солдат, под танка!.. – И слегка пнул носком сапога под зад дневального, поторапливая его к действиям...

Старшина невозмутимо не обращал внимания на «бурое» несение службы дежурного по роте...

«Порядок – превыше всего... Так заведено... А может, это ещё цветочки?..» – размышлял я, идя рядом с ним к складской комнате...

Открыли кладовую, доверху набитую строительно-инвентарным хламом. Грузовые носилки, сломанные лопаты, раздербаненные веники, разбитые пластиковые каски в большом количестве, и я удивлённым «отчего?!» указал на них...

– А-а-а! Канальи! Верблюдозады! Аксакалы-дембеля, бляха-муха!..

Я недоумённо смотрел и слушал Бубенцова...

– Понимаешь?! Парадную форму за полгода до приказа готовят... Ушивают, перешивают... Павлиньи аксельбанты... Погоны блестящей металликой или позолоченной нитью, прошивкой покрывают... Султанская гвардия позавидовала бы!.. Но чем ближе дембель, тем сильнее азиатское суеверие... Все хотят в этой пикадорской форме живыми и невредимыми в родном кишлаке появиться... Вот и испытывают каски на прочность, сбрасывая на них кирпичи и бетонные глыбы... Ослы, блин!.. Ну выдержит каска! А то, что шея в плечи, а позвоночник в жопу уедет – невдомёк! Чурбаны, одним словом! А мне вот инвентаризацию списания проводи!.. Так, стоп! А это что за бич хламовозный?!

Старшина потянул за рукав истлевшей телогрейки, видневшейся из-под мусорных носилок. Показались рука, туловище, а затем серая физия лица и волос, с ярко выраженными светящимися глазами...

– Турсунов!.. Чмыдарюга! Ты почему здесь?! – Бубенцов хватал ртом воздух. – Третий день!.. Опять, вошкин кот!.. Ищем его по канализационным колодцам! А он, натеньки! В складской комнате! Закрытой на ключ!..

– Командира... Пляхой слов зовёшь!.. Называй по-другому... Барана... Скотина... Они домашний зверь... Аул забот требуют!.. Вода пить... Трава кушать...

– Щас ты! Барана Турсунов! И будешь траву есть перед казармой! Нарядом на скашивание!..

На крики прибежал ефрейтор Мурзябаев и заморгал глазками, на секунды потеряв дар речи, улицезрев привиденческого солдата... Потом прорвало:

– А-а-а! Ма-а! Ай! Шайтан-майтан! Турсун-бурсун! Козёл ты этакий! Как ты здесь оказался?!

– Чё ты малахольному вопросы задаёшь?! Это тебя надо спрашивать, дежурный! Почему он в запертой складской комнате квартирует?! – с нажимной строгостью набросился на ефрейтора Бубенцов.

– А-ай! Ва-ай!.. Старшина, не ругайся... Ведь сям знаешь... Турсун третий сутка на поверку не биль... Вчерась искать начали... Крышки люков поднимать... Кусты, норы смотреть...

С 1981 года в Советскую Армию забирали на службу практически всех! И косых, и слепых, мычащих и одержимых смехом... «Не годен к строевой?! Одна нога короче другой на пятнадцать сантиметров?! Так тебе не маршировать! Служи в стройбате!..»

Получить по нездоровью «белый» военный билет с деликатными статьями в нём, с которыми на гражданке в дворники и сторожа не принимали, а только в говночисты, тоже мало кто решался. Это означало быть изгоем общества, если ты, конечно, не сынок директора плодоовощной базы. Но им, блатным отрокам, эта «косая ксива свободы от армии» и не нужна была. Многие из них числились студентами престижных вузов страны...

Проходить службу в стройбате призывали и тех, кто отсидел по статьям до трёх лет (уличная драка, мелкое воровство, спекуляция, по рецидиву нарушений административного и общественного порядка и т. п.). Счастливую фишку паузы получали студенты вузов с военной кафедрой, конкурс на поступление в которые достиг коррумпированного апогея к концу восьмидесятых годов прошлого века. Но поступить тогда не значило «Всё!.. И служба с прощай вокзалом уехала навсегда!» Студенты мужского пола выдавливались из вузов «струнным заделом Верхних Случайностей», придирками по неуспеваемости, несдачей зачётов и экзаменов. Административным давлением заставляли брать академические отпуска или исключали. Их сразу же «розыскным конвоем» подбирала армия...

Профессорско-преподавательский состав вузов внёс огромную технократическую лепту в технологическое отставание, разрушение СССР и становление новой России дойной коровой природных ресурсов. Только вот эти многие «козлы от учёности» до сих пор не знают, с какой стороны корову доят, справа или слева?! А ответ по наитию и разумению прост: с той, к которой корова прижилась и ей удобно и комфортно. А то, капризная, она не только меньше молока отдаст, но и способна опрокинуть копытом ведро... Причём афоризма этой практики актуальна и в переносном смысле!..

В итоге «консенсусных восьмидесятых» в технических, архитектурно-строительных, технологических, машиностроительных вузах СССР пятьдесят-восемьдесят процентов учащихся составляли женщины, получавшие в большинстве своём диплом о «высшем образовании», как «Галл обёртку» прохода в светлую и счастливую жизнь, и, будучи инженерами, не могли отличить шестерёнку от зубчатого колеса...

«...Наш паровоз вперёд летит! В коммуне остановка!..» Ещё по инерции аварийного схода с рельсов и подпрыгивания локомотива по шпалам мы продолжали драть глотки этой песней на демонстрациях, ослеплённо не видя, что летим под откос. Заскрежетала «пыхтелка», отвалились тяги, колёса пошли вразнос. Мешочная кооперация – «Чаво?! филизма и держимордства», «...Сало-то, оно, брат, под пулями достаётся...» (х/ф «Коммунист»)... – захватила предшествующую авансцену после крушения литерного поезда...

Однако вернёмся в действительность повествования, в июнь 1984 года, к обнаруженному в кладовой солдату-пастуху...

Из рассказа старшины Бубенцова:

– ...Турсунов с детства пас овец и баранов в одном из предгорных каракалпакских кишлаков... Однажды шаровая молния перебила полстада овец... От страха Турсун-бай спрятался в каких-то кяризах... Где нашли его спустя трое суток... Напрочь свихнутым!.. Они и так в умственно-физическом развитии отстают...

Я не стал перебивать вопросом «Кто они?», продолжая слушать Бубенцова...

– ...А тут такое! Копчёное несчастье!.. Шаровая молния!.. Понимаешь?! Полстада, блин, лежит и шашлыком дымится! Будто на высоковольтных проводах! Полстада разбежалось по горам и селениям!.. Он страхолудно испугался, что его за эту кухню свои басмачи прибьют! Вот и прятался в горных норах! И умом-то тронулся за трое суток!.. А в армии, вона! Излечиваться начал... балакать по-русски научился!.. Смышлёный скунс!

Однако ж!.. Посидит-посидит двое, трое суток в вонючем колодце! Опосля вылазает трубочистым ящером! Права начинает качать!.. «Командира?! Плёхой слов зовёшь... Турсунов кормить нада!..» И не комиссуешь его, бл..., заразу! И на какую стройку, скажи мне, его посылать?! Лучше пусть здесь, при казарме, привидением служит!.. У нас нашли в прошлом годе одного такого в застывшем гудроновом баке! Лишь через семь месяцев! Сам угодил в него по неосторожности или столкнули?! Теперь никто не узнает...

Старшина было пошёл на второй виток завода на повышенных, эмоциональных тонах своего рассказа, но вдруг оборвался на крепком словце, обернувшись к дежурному по роте...

– Так, Мурзябаев!.. Отмоешь, отстираешь и накормишь Турсунова!.. А то будешь сам такой же, как он!.. Проплатим вам, ефрейтор, гауптвахту!..

Вытаращив глаза, дежурный хотел было что-то сказать, раскрыв перекошенный во злости рот...

– Выполнять! – последовала жёсткая команда Бубенцова...

– Есть!.. – выпалил Мурзябаев и засуетился по Турсунову...

– Проплатим гауптвахту – что это значит?.. – удивлённо спросил я старшину...

– А это значит, комиссар, что по внутреннему распорядку части нам не положено её иметь!.. Чтоб отправить военного строителя на губу, это, брат, целая проблема... Надо оплатить содержание военнослужащего на гауптвахте посуточно строевой части, где она имеется во внутреннем распорядке... Из-за этого взыскания и наказания бывают не должными по проступкам в нарушении устава... Нужно десять суток влепить! Проплачиваем пять! То есть надо снимать с денежного счёта военного строителя заработанные рубли... А их нету! Понимаешь?! Минус суммы прописан в графе! Должник!.. Как это получается?! Дебет-кредит простой, Борисов! Это чтоб ты понял!.. Военный строитель срочной службы должен в день зарабатывать полтора рубля, чтобы за ним не числился денежный долг перед Родиной!..

– Какой ещё долг?! – ошарашенным изумлением выпалил я. И, сдвинув пилотку на нос, почесал затылок... – Я думал, мы и так выполняем его, что находимся в армии...

– Как бы не так, Санёк!.. Думали?! Индюк тоже думал! На весь птичий двор выпендюрился!.. Здесь, в стройбате, солдат расплачивается по учёту за весь срок службы за своё форменное и продуктовое довольствие!.. То есть сапоги, ботинки, парадная форма, наволочки и простыни! Завтраки, обеды и ужины! Кино в клубе тоже за счёт солдата!..

Я слушал Николая Петровича с открытым ртом, поражённый этой сокрытой действительностью...

Ни на каких занятиях по НВП (начальной военной подготовке), ни в каких газетах и журналах эта сторона жизни стройбата не высвечивалась. Все знали, что за два года службы скапливается приличная сумма денег. На гражданке, в рассказах, деловито обмусоливались суммы от одной до двух тысяч рублей, а то и более. Что для демобилизованного солдата являлось хорошим подспорьем и трамплином во взрослое начало мирской и семейной жизни... А тут такое?! Должник!..

– ...На нашей части, Борисов, уже висит более семидесяти тысяч рублей долга... Солдаты без квалификации... То есть мусорщикам, уборщикам, кто вылизывает к сдаче объекта всю стройзону, – а это, замечу, тяжёлый и неблагодарный труд – закрывают по тридцать-пятьдесят копеек в сутки, а рубль в минус идёт... Почти на всех солдатах роты висят долги – от четырёхсот до восьмисот рублей... За исключением нормировщиков, команди-

ров отделений, водителей, крановщиков и сварщиков... Плотники, каменщики в нулевом балансе... Это человек тридцать-сорок от ста пятидесяти шести из списка роты... Да и у этих спецов не более трёхсот рублей к дембелю набегает... Бухгалтерия урезает, покрывая долги части перед УНР...

– И как же дальше-то?! – ошеломлённо выдохнул я...

– А хер его знает, комиссар!.. Строительство Генштаба – по слухам, конечно же, – разорило два военно-строительных управления... Перерасход средств превысил более чем на двадцать миллионов рублей⁷... Говорят, трижды корректировались бюджетные расходы, а долги частей обнулялись...

– По-ня-тно... – промычал я в смятении от услышанного и подумал: «...Беда известная... Общеколхозная... Если весь дубовый паркет передислоцировался на Гоголевский с Ржевкой – Васильковым и Кульмандиевым... А Орехи немymi прикидываются, не расколешь...» Узким примитивом рассуждал я сам с собою, не представляя и не видя всей панорамной картины разграбления Генштаба (как в прямом, так и в переносном смысле) Министерством обороны СССР...

Однако вернёмся в казарму...

Незаметно приблизился полдень. Леденцов вышел из командирской комнаты благодушный после обеденного променада. Никого не костерил и не раздавал тумачи с пинками. Остановился около меня:

– Молодец, комиссар! Гляжу, без дела не сидишь!..

Я в это время прибывал фанерную табличку с надписью «Ленкомната» на дверь бывшей складской, трепетным образом вымытой с хлоркой и хозяйственным мылом...

– ...Комиссара?! Какая комиссара?.. Какой он командира?.. Одет в ВСО⁸, как чмо, а не в ПШа⁹!

– Тогда ты тожа чмо, бабай!.. В ВСО ходишь!..

– Я солдатм! А он командира!..

Невидимое шипенье рассуждающих, разглядывающих сусликовых глазёнок началось сразу же после представления меня в старшинской каптёрке и не оборвалось при появлении командира роты. Леденцов почему-то ни матерком, ни скрежетом зубов с выпученными от ярости глазами не приостановил эту шпионскую дискредитацию политорганов... «Та-ак, субординацию отпустили в свободное плавание... Ну, погодите, бабаи! Первый ваш полный конспект на политзанятиях будет по повести Николая Островского "Как закалялась сталь"... И стихам Владимира Маяковского...» Лишь позже я убедился в противоречивости характера командира роты. В напускной, панибратской манере скрывался кнут и пряник, философ с держимордническим настроением. Офицерская сталь уже не закалялась, а плавилась сбором ржавчины, как, впрочем, и вся КПСС. Военно-дисциплинарная требовательность Леденцова маскировочно подменялась унижением подчинённых, как морально, так и физически. Сжиманием барским офицерским сапогом этакой педали невидимой пружины солдатского достоинства. Но об этом позже... сейчас я прибывал табличку с надписью «Ленкомната»...

– Молодцом, комиссар!.. Дежурный! Зайдёшь к старшине! Возьмёшь у него стол с двумя стульями... Ему и одного стола хватит! Красную материю-скатерть и графин со стаканом! Поставишь всё в Ленкомнату! Скажешь Бубенцову, я приказал! Выполнять!.. Борисов! Со мной в штаб пойдёшь... Замполиту части тебя представить надо... Мурзябаев! Рота приедет с объекта – пошлешь за нами дневального...

⁷ По тем временам – колоссальные деньги.

⁸ Военно-строительное обмундирование.

⁹ Парадно-полевая шерстяная форма строевых войск.

В кабинете замполита части – капитана Галкина Ефима Кузьмича, сорокалетнего офицера («Наверное, с курсов «Выстрел», или часть по пьянке сгорела...») – мелькнула крамольная шальная мысль) – всё свелось к быстрому, поверхностному просмотру моего личного дела, вопросов по комсомольской работе на гражданке и понятия её на военной службе. Я сразу же взял быка за рога: мол, приступлю к созданию новой Ленкомнаты не только в смысле ремонта, сводящегося к покраске и вывешиванию военно-политических стендиков, а отличительного дизайна...

– Как «Акула империализма», что ли?! Наслышан, Борисов! Ты смотри! Таво!..

– Нет, вы меня неправильно поняли, товарищ капитан... Мне нужны два хороших плотника-столяра для изготовления объёмно-фигурных стендов и экспозиций, накладки инкрустации... Бракованного материала красного дерева, дуба и других ценных пород достаточно на объекте Генштаба...

Леденцов с каждой моей краснобайской фразой мрачнел и хмурился, но не перебивал...

– ...Дайте мне увольнение в город... Я найду вам фабрики игрушек, канцелярских товаров... Поговорю с дирекцией... Убеждать я умею... Нам выделяют бархат, краски, бумагу... Гражданский опыт пробивного экспедиторства имеется...

– В шинок братва, что ль, посылала?..

– Старший лейтенант, не паясничайте!.. Продолжайте, Борисов!.. (Надо же! Ключуло! Заинтересовались...)

– ...Ну я и говорю... Не пройдёт афера...

– Какая ещё афера?! – встрепенулся Ефим Кузьмич и с вытаращенным взглядом продолжил слушать мой «Васюковский проект – Народ и армия едины!».

– Солдатики у нас до сих пор трепетно любят... При необходимости пустим слезу, разжалобим гражданских чинуш... Мол, не дадите материал – в отпуск не отпустят...

– Погоди-погоди... Ты, это, уже про к-к-какой отпуск? Борисов!..

– Да это я так, к слову и делу приказал...

Постучавшись, зашёл помощник дежурного по штабу:

– Разрешите, товарищ капитан...

– Что у тебя?!

– Там дневальный второй роты старшего лейтенанта Леденцова уведомляет, что подразделение в полном составе с объекта прибыло!..

– Ты вот что, Борисов... Составь схематичный и письменный план на бумаге и представь его мне... Не затягивай... Срок – три дня... Командиру роты!.. Оказать полномочиями содействие в данном политическом мероприятии... Ну что же, свободны... И держите меня в курсе дел по этому важному заданию...

«Заданию?.. Ничего себе! Я проявил инициативу, а капитан уже в задание оформил... Непрост сельсовет... Ой как непрост...»

Выйдя на крыльцо штаба, Леденцов закурил, блякнул в чей-то корень...

– Ну кто тебя, Борисов, за язык тянул!.. Только вытащил тебя из параша зверюгинского когнитивного диссонанса, акульего перформанса – ты вновь, блин, за старое!..

– Я за свои слова, товарищ старший лейтенант, отвечаю!..

– Какие слова, солдат?! Ты всё! Назвался груздём!..

– Ну вам же приказал замполит оказать мне помощь... Дайте мне двух столяров... Увольнение в город, чтоб фабрики нужные разыскать...

– Замполи-и-ит?! Да приказа-ал!.. – глумливо передразнил меня Леденцов. – Да знаешь ли ты, что дед Ефим восемь лет назад был майором! Политруком военного совхоза! И что накануне военно-ревизорской проверки часть эта, а вернее, свиарник на триста тушек... сгорела!.. До-о-тла!.. Был следственный разбор полётов... Прямых улики воровства, есте-

ственно, после пожара не нашли... А косвенные?! Они и есть сбоку припёку! Ничем не подтверждённые! В общем, Кузьмича разжаловали до старшего лейтенанта, политруком роты заборостроительного отряда... И до этого он всякое упоминание об дизайне, модернизме и прочая... как огня боялся!.. Свиной художник, рисовавший огромный стенд с изображённым кабаном и лозунгом «Родной партии – сто центнеров привесу!», спалил совхоз! Так решили пожарники... Ему до пенсии два года осталось сапогами скрипеть... А тут вдруг такая смена декораций?! Смотрю на него в кабинете... Ты ему рассказываешь, пургу всякую несёшь про бархаты, инкрустацию... А он весь преобразился... Глазки заблестели... Нездоровый румянец на щеках появился... Ты ему: «Афера если не пройдёт, слёзы, мол, пустим...» – а у него только подбородок задрожал... Он теперь ни спать, ни есть не будет! А видеть в аурном сиянии погоны подполковника!..

– Как это – подполковника?.. Он же капитан...

– А вот так, Борисов!.. Приказом Политуправления по Московскому округу объявлен конкурс на лучшую Ленинскую комнату воинского подразделения... Даже третье место обеспечит ему эти погоны с выходом на пенсию... Потому что ещё десять поощрительных номинаций... Вот он и ухватился за твою соломинку последнего шанса судьбы...

– Так если что, и вы, товарищ командир, капитана себе вернёте...

– Откуда знаешь?! А-а!.. Да теперь уже всё равно!.. Ветер-балабол, бл..., разнёс!.. Каждый хорёк в части уже об этом знает!.. Так вот, если что?! Борисов! Если как со зверюгинской стендматикой выйдет?! Поедешь в отпуск в консервированной оцинковке! Я не шучу! А так – проси, что надо, чего надо, кого надо!.. Сегодня вечером, на командирском совещании, после твоего доклада по подготовке Ленкомнаты к окружному конкурсу мною будет отдан приказ о содействии в данном мероприятии всех военнослужащих роты...

Вечером, после ужина, построения и проведения поверки, состоялось комсомольское собрание роты. Коллективу меня представил Леденцов и предложил единогласным решением избрать комсоргом. Старший лейтенант подтвердил также и полномочия на временное исполнение мною обязанностей замполита подразделения...

– Так, мол, и так, прошу любить и жаловать!.. За неподчинение ждёт гестапо старшины Бубенцова! Все поняли?!

Тишина... Половина роты уже спала, сидя на табуретах, вымотавшись от каторжного труда с социалистическим соревнованием...

– Все поняли?! – повторно рявкнул старшина. – Не слышу?!

– ...Дя... дя!.. командира... всё поняла... – просыпаясь и толкая в бока друг друга, загалдели солдаты военстройа...

– Расставить табуреты!.. Перекур!.. Через десять минут отбой!.. Членам бюро комсомола после отбоя явиться в командирскую комнату!..

В бюро были избраны:

писари Токбулатов и Пурговский;

бурятский шаман Евтюхов, который попал в армию по недоразумению. Приехал в Москву в звериных шкурах Кремль посмотреть, а в частности Мавзолей. Колдовать там, что ли, намеревался?.. В общем, повязали... Дали выбор – психушка или армия... Комсомольцем стал инициативным;

командир отделения младший сержант Дреняев. Передовик производства, ударник коммунистического труда. Предпочитал включать на рабочей зоне немецкий вальс, множественно записанный на полтора часа воспроизведения катушки магнитофона, с военного кинофильма, из эпизода про концлагерь... «Штраус!.. – пафосно и многозначительно объяснял он. – Коровы лучше доятся! Производительность труда повышается...» Хитёр «фольцваген»: музыка-то Вагнера, любимца рейха... (В то время ни о каких «скинах» и не слыхивали... В моде были битлы и «хламоносные» панки...);

нормировщик роты ефрейтор Алексей Юрасов. С Ленинграда... Путиловец, передовой отряд рабочего класса... Через месяц стал бухгалтером части;

командир взвода строевой сержант Кравцов. Организатор сержантских кутежей с хореографическим «бордельеро» местных барышень.

В командирской комнате командир роты панибратски бросил на стол пачку сигарет «Мальборо»:

– Угощайтесь, бюрократы!..

Все переглянулись и осторожно, словно больные kleптоманией, потянулись за сигаретами...

В то время «Мальборо» были одной из своеобразных визиток приближения к серым и красным «коммун-комитетам довольствия» и бластного благополучия...

Задымили... Писарь Пурговский чуть было не свалился со стула, закатившись захлёбным кашлем, потому что никогда в жизни не курил. Отхлопали, посмеялись:

– ...И не балуйся больше, Гена!..

Леденцов, гримасой вытянув дудочкой губы, с выдохом пустил табачное колечко...

– Значит, так, комиссар... Выделяю тебе двух плотников-столяров, зарекомендовавших себя на производстве... Молдаванина, рядового Виктора Шуба... И казахского хохла-немца, рядового Владимира Поденко...

Я с недоумением вопросительно посмотрел на командира...

Георгий Львович, перехватив мой взгляд, утробно засмеялся и с матерными шутками-прибаутками изложил краткую биографию Поденыча, самолично присвоив ему это армейское погоняло.

– У Поденыча, Борисов, мать немка... Отец хохол... который в знак солидарности и дружбы с казахским соседом по посёлку – на пьяной гулянке порешил сделать сынишке обрезание... Вот и получился обрезанный немец с украинской фамилией... И русской, рубащечной душой... Пьёт и курит, как биндюжник... И наказывал! Два раза гаупт вахту проплачивали по семь суток! Увольнения в город лишал! И пи...юлей вставлял! Бесплезно! Как о стенку горох!.. Но! Подлюга!.. Постоянно военно-легкоатлетические, по пересечённой местности, кроссы-забеги выигрывает... Гунистый пруссак!.. Как столяр – молодчина... Задачу схватывает и реализует быстро... Умело и качественно... Только ты с ним, Борисов, поосторожнее в диалогах... Вожжи не ослабляй... И уши наостря держи! Не провоцируйся на его предложения: можа, пойдём квасок попьём? Затем пивок! Который без шнапса – напрасно потраченные деньги от проданного инструмента... И найдут вас облёванными в тридевятом овраге, окружающем Хованское кладбище... Его известный самовольно-туристический маршрут... Только учти, Борисов! Там и захороним, в безымянной могиле! Потому что накроется конкурс по Ленкомнате медным тазом!..

Молдаванин Шуба... Столяр от природы... За сутки венскую табуретку изготовит!.. Выпить тоже любит! Но только на халяву, сэр!.. Прежде всего деньги от украденного и проданного инструмента-материала потратит на варенье с пряниками и колбасу с французской булкой... Так что, комиссар, следи за ними в оба монокля! А то придётся стены палкой-ковырялкой изготавливать... А стены коровьими лепёшками обмазывать... Которых здесь по всей округе предостаточно, рядом совхоз «Коммунарка»... Краски, материал, свёрла и диски победитовые, инструмент заграничный, по благу выписанный, как бараны, в горы уйдут и гусями улетят на север! Взамен на мармелад с батоном и рёвно-пьяный овраг у кладбища! Приводящий в животный ужас не только прихожан, дворников и сторожей, но и местных кладбищенских ворон!.. Так что, Борисов! Будешь отвечать головой за этих двух развальжных зодчих! Усёк?!

Я, промолчав, лишь кивнул головой...

– Младший сержант Дреняев обеспечит доставку бракматериала со стройобъектов... Чего нужно и сколько?! Обсудите совместно!.. Увольнительные в город для поиска шефских фабрик – как только понадобятся... и только по делу! Ну всё! По кроватям! Полночь уже!..

Утром, после разводной поверки роты и отъезда взводами на работы, я увидел четверых основных помощников по претворению «планов партии в жизнь!»: писарей роты – рядового Ильяза Токбулатова, молодого «поэта-трубадура» из Республики Марий Эл, и рядового Геннадия Пурговского, студента-академичника, уроженца Ленинграда (которого вскоре переведут в бухгалтерию части); мастеров-краснодеревщиков – Виктора Шуба, чуть ниже среднего роста, упитанного, с округлыми, чёрно-весёлыми глазами (присущими во множестве неунывающим молдаванам) и карикатурным образом похожего на мультяшного героя Винни-Пуха с его брендовыми фразами-афоризмами: «Подходящая компания – это такая компания, где нас могут чем-нибудь угостить», «Нужно делать так, как нужно. А как не нужно, делать не нужно!», «Никто не может грустить, когда у него есть воздушный шарик!». Гедонист, блин!.. Смысл жизни таких «Винней» – получать больше удовольствия, радости, веселья и поменьше страдать, а лучше – никогда...; Владимира Поденко, выше среднего роста, скуластого, с русо-пепельными волосами, с твёрдым взглядом, совмещающим хитринку-смешинку голубовато-серых глаз. Казахстанский ариец...

– Ну что, будем знакомы. Александр Борисов!.. – с подъёмом в голосе представился я ухарям-плотникам. – Пройдёмте в Ленкомнату... Рассмотрим и разберём набрасываемый план действий...

Рассказывая и объясняя, я постепенно вошёл, сам того не замечая, в фантазийный кураж дизайнерских, вдохновенных мыслей...

– Передняя стена, стена-передовица!.. Стенды обтянуты шёлком цвета Кремль... Объёмные фотопортреты членов Политбюро ЦК КПСС... Под потолком фигурный, больших размеров лозунг: «Ленинизм – наше оружие!» Трибуна должна быть изготовлена из красного дерева... Правая стена – объёмно-фигурные стенды военно-политической тематики, с яркими заголовками-девизами, выполненными также объёмными золотистыми буквами... Нужно много бумажного бархата!.. Плиточный подвесной потолок под травертин... Из него, кстати, очень хорошо выпиливаются лобзиком объёмные буквы... Нужно... – Пауза повисла в воздухе пустой комнаты, и я, глянув на внимание присутствующих, продолжил: – Задняя стена – тематика Победы советского народа в Великой Отечественной войне!.. На панели красного дерева надо изобразить инкрустированный образ Солдата-Победителя!.. Далее придумать опять-таки что-то фундаментально-объёмное по бокам... Внизу панно Солдата-Победителя необходимо придумать мини-экспозицию...

– Фронтальной шалаш!.. – предложил Виктор Шуба.

– Тебе что говорят?! Победная тематика... А он – шалаш... Ленин в Разливе, что ли?! – укоризненно зашипел Токбулатов.

– Ну тогда землянку из берёзовых поленьев!.. – не унимался от новаторства идей молдаванин.

– Чтоб ты дрых в ней, как в берлоге, при отсутствии замполита!.. А я вкалывал за тебя и за того парня!.. – зло процедил Поденыч и сплюнул на пол Ленкомнаты... – Не слушай ты его, Борисов! Румыны – они все как цыгане...

– Сам ты! Обрезанец фридрихштрассейный!..

Если бы я с писарями не вмешался вовремя, началась бы «кабана-волчья» битва...

– Ладно!.. Ладно вам! Да успокойтесь, военные! Вы лучше ищите себе друзей!.. А враг сам вас найдёт!.. – растаскивая драчунов по углам, примирительно наставлял писарь Пурговский. – Ты вот лучше, Витя, расскажи про своих родителей... Как жизнь там у вас в Молдавии... Про Вовкин национальный колорит мы уже слышаны...

Шуба дружелюбно обмяк. Вместо свирепости на лице расплылась косая глуповатая улыбка. Переминался с ноги на ногу. Чесанул заскорузлой пятернёй затылок и, застенчиво хмыкнув, поведал:

– А чё рассказывать-то?.. Родители?.. Родители-то бодрствуют... А чё им сдеется-та?! Да они и старше-та меня на четырнадцать лет... Живут как все... – Витёк паузой потупился взором в пол и задумчиво растёр носком сапога опалок валявшейся спички...

– А что это значит, Виктор? Как все... – поинтересовался я.

– Как собаки... – коротко и без стеснения пояснил нам Шуба. И продолжил: – Шофёржничает папашка-то, по виноградникам... А мамашка дома, по хозяйству... Да за младшими братьями и сёстрами присматривает... Шестеро пока, кроме меня...

Я отвернулся и сделал ложный чих в кулак, чтобы не сорваться в хохму. Пурговский, оборачиваясь ко всем, моргал глазами, немым вопросом распонимая услышанные обстоятельства (как это – старше на четырнадцать лет?)...

Вова стоял спокойно, слушая молдаванина, и по окончании его семейного монолога вежливым ёром, закругляя, вставился:

– Как трогательно... Я на казахстанском фронте и не такое видел!..

Ильяз Токбулатов в это время весь был занят собой и не обращал ни на кого внимания. Стоя вполоборота, сосредоточенно, штопором вихляясь задницей, втягивался в узко ушитые солдатские брюки, которые периодически надувались складками на ягодицах и начинали свисать мешочками при ходьбе...

«Стиляга, блин!..» – прошептал я, быстро окинув взором всех, и поторопил товарищей к выходу:

– Ну что... Пойдёмте на улицу, в курилку... И детально обсудим всё по полочкам...

К вечеру схематичный план с чертежами, пояснительной запиской в двух экземплярах был составлен. Один – в канцелярию командира роты, другой – замполита части...

Георгий Львович (Жора – наречённый погонялом военными части) долго рассматривал план и чертежи, крутя их и так и сяк. При этом, подсмеиваясь и зубоскала матерным юморком, не то одобрял его, не то охаивал...

– Что-то не так, товарищ старший лейтенант?.. – не выдержав, спросил Леденцов и посмотрел на меня колким, ехидным взглядом:

– Это не очередная «Акула империализма», Борисыч?! И чё, думаешь, они справятся?!

– Кто они-то, товарищ старший лейтенант?..

– Шуба с Поденычем!.. Едрит твою задницу!.. Намеренно, комиссар, «не могу знать» включаешь?! Плацдармы к отступлению заранее подготавливаешь?!

– Так сами же говорили, что молдаванин за сутки венскую табуретку смастерит... А это не сложнее овощного ящика... Мне неудобно, Георгий Львович, вам... как это мягко выразиться...

– Неудобно, солдат, шинель в трусы заправлять!.. Ты мне эту витиеватость во взаимоотношениях со мной из головы выбрось! Себе же на благо!.. Хотел сказать, что я в технических чертежах ни в зуб ногой?! А-а!.. Чего замолчал?! Просто это очень мудрёно для армии, Борисов! В особенности для хмырей стройбата!.. Они же на лбу бюста Ленина напишут нехорошее слово! Отгрызут нос или ухо! На оформленных панно выцарапают: «Ишак-кишлак – ДМБ – Афоня!» В общем, как в уличном сортире!.. Для них, солдатушек, комиссар, весь дизайн сводится к покраске всего в тёмно-зелёный цвет! С приклеенными намертво учебными и агитационными плакатами... Чтобы можно было подкрасить и заменить, наклеить новое... Ладно, иди показывай и утверждай у замполита части! Уже два раза звонил, план твой испрашивал!..

В штабном кабинете замполит части, капитан Галкин Ефим Кузьмич, принял меня с суетной вежливостью, не дослушав и оборвав уставное приветствие:

– Давай, давай, Александр!.. Показывай скорее проект Вавилонской башни!..

Я было, раскрыв рот, недоумённо посмотрел на него...

– А-а... Пока ты шёл до штабу, Леденцов по телефону так обозвал твой проект... Только не башней, а новой Вавилонской акулой... Бойтся старлей... Хочет потише, поскромнее... Ну, давай, давай, бери карандаш, показывай узлы, детали, шестерёнки...

Разложив на столе схему Ленкомнаты и чертежи стендов, я стал пояснять, чего и как, отчего и почему, откуда и каким образом... На финальный десерт доклада оставил акцентированные нюансы планировки...

– Передовицу, надпись «Ленинизм – наше оружие!» сделаем большими объёмными буквами, имитированными под белый мрамор... Трибуну – из красного дерева, с золотистым гербом!..

Глазки капитана Галкина засверкали зайчиками, залысенный лоб покрыла испарина...

В таком душевном состоянии фанатики вопили: «За Сталина!!!» Или хрюникальным визгом, вытягиваясь при этом в струнку, чуть не отрываясь от земли, выбросив руку в броске: «Хайль Гитлер!!! Зиг хайль!!!»

Дальше меня капитан не слушал и не видел. В стеклянных глазах у него бенгальским огнём отражались искорки-звёздочки полковничьих погон...

– Товарищ капита-ан? Я закончи-ил... Говорю вам... Вы меня слы-шите-е?..

– А-а... Да... Борисов... Всё отлично... Если всё будет сделано в точности по этому плану... то просто превосходно!..

– Но для осуществления этого, товарищ капитан... мне нужны увольнительные в город... Для нахождения шефских фабрик...

– Да-да, Борисов... Выдадим тебе, только не увольнительные, а командировочное предписание... С ним ты можешь более продуктивно, без ограничений во времени, заниматься делом... Ну что же, порадовал, порадовал... Смотри тока не расстраивай меня... – многозначительно произнёс Ефим Кузьмич. – Ну что ж, свободен... Иди-иди, занимайся... И держи меня в курсе... Понял?!

– Так точно! Товарищ капитан! – чеканул я с вытаращенными глазами и с чётким пристуком каблука развернулся к выходу...

Птицей вынесли меня солдатские сапоги на крыльцо штаба, как будто были на ногах балетные тапочки, а не кирзовые пешкодравы сорок четвёртого размера... Пьянея предвкушением свободы, жадно глотнул воздух с примесью гниющего болота, бульканьем благоухающего за забором части... Душа порхала стрекозой... И наплевать на запахи, теперь всё «ШИПРово», на квакающих лягушек, тьякваньё отдалённых сержантских команд... Командировочное предписание придавало фараонский шарм срочной службе. Защищало от возможных придинок военных и комендантских патрулей. Давало возможность посещать кино-театры и музеи, хотя в увольнении предпочитал баню с бассейном и хорошей парилкой и доброе «Жигулёвское» пиво с астраханской воблой... Флиртовые свидания... И...?! Ух ты, голова закружилась!..

На следующий день перед обедом меня вызвали в штаб. В канцелярии расписавшись за приказы и получив командировочное предписание, я зашёл в кабинет замполита части с докладом о предстоящих отбытиях в Москву: на фабрику игрушек, метро «Добрынинская», где производится бумажный бархат; на ткацкую ситценабивную фабрику, метро «Павелецкая»; на скульптурный завод за бюстом Ленина, метро «Бабушкинская»...

– Бюста надо три! – ужаленно подскочив в кресле, громко подметил Ефим Кузьмич. – Большой – на плац части!.. А средний – в строящийся будущий клуб!.. А вот на ткацкую фабрику пока повремени... Шёлк мы в магазине купим, выделим деньги... Молодость, сынок,

свое-то требует... Подначиват к блудству-то... Женщинами-лимитчицами такие производства заполнены... Ну, в общем, от греха подальше!.. Первым делом комсорг! Грузовые самолёты! Ну а девушки потом... После демобилизации... Усвоил наказ?!

– Так точно! Товарищ капитан!.. Разрешите идти?!

– Ступай, Борисов... Только смотри того... Не шали... – многозначительно и туманно, с указывающим пальцем в потолок, буравя меня взглядом, растянута произнёс замполит.

– Есть, товарищ капитан!.. – Развернулся и вышел из кабинета.

* * *

В каптёрке старшины роты Николая Бубенцова я долго выбирал и примерял парадную форму для выхода в город. Хотя это мягким определением мною обозначено – «парадная». Что показывал Коля, извлекая из шкафов, ни в какие ворота не влезало! «БомСА» (бомж Советской Армии). Во-первых, форме было от двух до четырёх сроков носки...

«Да-а... Тривиальный гардеробчик... Костюм не постираешь...» Требовалась химчистка, которой в Советской Армии отродясь не бывало. Размеры не соответствовали ростам, и наоборот, а брюки – костюмчикам по линиям цвета...

– Нету! Ну нету больше ничего!.. Саня! Выбирай, что есть!.. Ушьёшь, подошьёшь, заплату наложишь... Кстати, есть очень хорошие портные из Самарканда...

– Растянешь... – язвительно буркнул я.

– Во-во! Растянешь!.. – засмеялся старшина.

– Они же не резиновые, Коля!.. Акваланг и тот по размеру нужен!..

– Ну нету у меня пятидесятого размера, пятого роста нового костюма! Понимаешь ты?! Нету!..

– Петрович... А может, что-нибудь придумаем?! Ну, давай я проставлюсь... А-а?.. Литр водки, каталку чайной колбасы тебе куплю... А-а?..

– Литр во-одки!.. Да я её и за два не отдам!..

– Кого это её, Петрович?.. Доставай, родной... Помоги ради большого дела! В долгу не останусь!.. Ну что ты, в самом деле?! Покудесничай...

Старшина барской «товароведностью» хмыкнул...

– Ты вот, слышал я, Саня, на ткацкую фабрику за шелками хотел ехать?.. Мне нужно подарок жене сделать... К юбилею свадьбы... В октябре будет, как десять лет прожили...

Я въехал с лёту:

– Петрович!.. Колюня!.. Будет тебе отрез на платье и халаты!.. Только не сразу... Отмёл пока Галкин визитёрство к ткачихам... Не оберёмся, говорит, от грехов!.. Чуть позже переломим ситуацию... Шторы гобеленовые всё равно нужны Ленкомнате... А сейчас мне нужно ехать на «Добрынинскую»... На фабрику игрушек за бумажным бархатом... Обклеишь им свою каптёрку... Он же в рулонах изготавливается... Затем режется на форматы... Ты какой цвет любишь?.. Голубой или розовый?..

– Не ёрничай, Сашок!.. Сделаешь со своими писарями-художниками, Токбулатовым и Пурговским... мне дембельский шикарный альбом из этого бархату... Это довесок к колбасе... то есть к шелкам... Ну ладнись, посмотрим, что у меня есть в ритуальном шкапчике...

Старшина открыл дверцы углового шкафа, за которыми дополнительно висели пылезащитные шторы. Прошёлся пальцами по висящим костюмам и вынул один из них. Полоборотом крутанув на вешалке, слегка потрянул его волнами, будто песцовой шкурой...

– На-а! Меряй!.. Твой размер, пятидесятый, шестой рост...

«Парадка» была более тёмного цвета, чем те, что я смотрел до этого. Из чистой шерсти и совершенно новёхонькая...

– Откуда, Кольчик-Колокольчик?!
– От верблюда, Санёк... Форма парадного караула группы войск в Германии... Вот тебе и обувочка...

Петрович достал из нижнего ящичка мешочек и вынул из него...

– А-а!.. Не ботинки, а картинки! Заглядень!.. – Я очарованно смотрел на них...

– Да-а!.. Солдатская армия в Союзе в таких «фильдеперсах» не хаживала...

– Ты только про шелка с гобеленом не забудь... – напомнил старшина.

– Бли-и-ин! Аппетиты поминутно растут! Как на дрожжах... Уже и гобелен в расчёт включён... – ошарашенно подметил я, но промолчал.

– Я мзду, Борисыч, не беру!.. Рядом Таманская бригада стоит... Так вот, мы с ихними каптёрами и обмениваемся... Вечером стулья... Утром, на рассвете, помидоры!.. Я им ведро клея или лаку по дереву... Они мне ящик огурцов...

– А огурцы-то у них откуда?.. Они что, на плантациях работают?..

– Юморной ты, однако ж, Сашок... Теплицы у них свои... И пекарни, и овчарни...

– Надо же! И овец держат...

– Каких овец?! Чудило!.. Собак-овчарок... Для специальной разведроты... Энтими братвейлерами разнимали два дерущихся строительных батальона в прошлом году... Выстрелы в воздух... автоматные очереди над головами не образумили вояк... А собачки вот умирили... Разогнали дебоширов с пооткушенными жопами по казармам... Да-а!.. Смачное было побоище!.. Давай меряй быстрее и проваливай!.. У меня других дел по горло!.. На бельевой склад к прапору-куску, Семёнычу, зайти надо...

– «А сам как будто тортик!..» – выразился я мысленно в адрес старшины, с вниманием выслушивая его нытьё по хлопотным суетам...

Не звание, а должность старшины роты и носило армейское погоняло «кусок», в Военморфлоте – «сундук», и лишь в конце семидесятых годов плотно приклеилось ярлыком ко всем прапорщикам и мичманам, которые в истории Российской Армии прошедших веков имели почётное предназначение знаменосцев...

Николай Петрович Бубенцов. По должности – старшина роты. По званию – старший сержант (срочник-двухгодичник) Советской Армии. Призвался в двадцать семь лет из оренбургских казачьих степей... Плечистый, статный красавец с чёрными ухоженными усиками (наверное, не одна подушка становилась мокрой ночью от девичьих слёз...) Женат. Имел судимость за драку на танцплощадке... Из трёх лет отсидел половину. Освобождён досрочно по амнистии. В армию мог и не идти: отец двоих детей, и ограничение срочной службы по возрасту. Говорит, пошёл за романтикой, оттаять после зоны. Темнит чего-то «сотник»... Упекаться в армию в таком-то возрасте и семейном положении – только от какого-либо опасного преследования спасались... Ну да ладно... Бог ему судья... Может, и впрямь идейный казачеством...

Весь оставшийся день я доводил парадную форму до безупречного совершенства. Отпаренные с нашатырём брюки, об стрелки которых можно было обрезать. Трепетно почищенный и отдушенный одеклоном «Тройной» пиджак-китель. Целый час торговался с Бубенцовым по офицерской рубашке чехословацкого пошива и фуражке московского производства. На другие картузы «мухосранских артелей» с асфальтным козырьком и смотреть-то было тошно, не то что примерять на голову. Сошлись по рукам, по кредиту доверия, по будущему промыслу на фабриках. При этом старшина вновь сделал запись в своей амбарной книге «должников», где я расписался. Последним штрих-аккордом сотворились новые пришитые погоны, шеврон, петлицы и начищенные до зайчикового блеска ботинки. Примерился

перед висевшим на стене в сушилке старым облезлым зеркалом, привезённым с городской свалки. Покрутился, выискивая изъяны... Поприкладывал руку к козырьку...

– Щигалё!.. – услышал я возглас из дверного проёма...

В отражении зеркала увидел дневального Мутанбекова и резко развернулся...

– Ты на чё это намекаешь, солдат?! А-а?!

– Вай! Комиссара!.. Не обижайся!.. Такая красивый нарядный платья... Мужика, как ты, по телевизор песня пел... Щигалё здесь, щигалё там, щиголё тут, ля-ля-ля-лям!..

Я рассмеялся до слёз... Мутанбеков с открытым ртом моргал глазами...

– А мне послышалось – жигало... Сцену из оперетты «Севильский цирюльник» смотрел ты по телеку... И пел тот мужика акт Фигаро... А не Щигалё, как ты выражовываешься... Но всё равно похвально, Мутанбеков! Познания твои становятся всё более культурно-обширными...

– Дежурный по роте – на выход!!! – прозвучала раскатным эхом громкая команда дневального на тумбочке.

Приехала с объекта рота во главе с командиром. Дневального Мутанбекова со шваброй ветром сдуло с порога сушильной комнаты, и он растворился в наполняемом вонью хаосе казармы...

Леденцов, проходя мимо сушилки, что-то матерно-отрывисто ворчал. Заметив меня, не остановился, а на ходу процедил сквозь зубы:

– Борисов! Через пять минут явиться ко мне!..

И далее, до подхода его к своему кабинету, слышались лающие и крепко-сочные афоризмы:

– Суки-бл...! Козлы недорезанные!.. Дай дебилам стеклянный х...! Разобьют, долбо... бы, превосходную вещь!..

Хлопнула дверь...

Повесив «парадку» в старшинской каптёрке, я, тихо постучав, зашёл к командиру...

– Товарищ старший лейтенант! Рядовой Борисов по вашему приказу...

– Ты чё, комиссар, орёшь?! Я и так на стройке от перфораторов и отбойников оглох!.. Чё явился-то?! Срочность какая-то?!

– Так сами вызвали, проходя мимо сушилки... Где я готовился к заданию... Через пять минут...

– Вызывали, визивали!.. – перебил каламбуром ротный... – Мне б сейчас стаканчик сухенького цинандали... Для успокоения нервов... А ты: визивали?! Представляешь! Эти амударьинские дети! Два перфоратора вывели из строя! Помыли их в тазике с мыльной водой!.. Моль, не поняль... «Кладовщика говорила: стирай грязь, так не приму... Ми и постирали...» Стал разбираться с пристрастием, черенок от лопаты сломал... Картина стала вырисовываться иной!.. Ефрейтор Ермуханов – оторва кустанайская! – этими перфораторами размешивал в ведре клей БФ и воду... Полученную спиртовую бурду сливал в пятилитровые канистры и потом её перегонял через самогонный аппарат в подвальной щитовой комнате... с надписью и черепом с костями: «Стой, убьёт!» Шинок, барыга, бл..., на секретном объекте хотел открыть!.. Пришлось кладовщику четвертную отдавать, чтоб списание оформил... Ой, разорят они меня, бабаи! Разорят!.. Ладно, ступай... прилягу отдохну на часок... А то голова гудит, как колокол... После ужина... А лучше после отбоя зайдёшь... Там и обсудим детали твоей командировки... Дежурному по роте передашь: меня час не тревожить!..

Выйдя из казармы, в курительной веранде увидел среди гоготающих солдат Шубу и Поденыча, которые весело и горячо обсуждали аспекты какого-то неудавшегося действия. Шуба визгливо смеялся и стонал, как футболист, не забивший мяч в пустые ворота с пяти метров. С ними стоял высокий солдат-казах, в очках, как у артиста Василия Ланового, загора-

ющего в шезлонге, в кинокомедии «Полосатый рейс», скрывающих «леденцовские фонари узкоглазого фасада»...

– Ермухан! Говорили же тебе! Хватит гнать! И двадцати литров достаточно! Так нет! Баррели бочечные ему подавай!.. А теперь вот всего лишились: и перегонного аппарата, и ликвидного товара! Да ещё рогатому двести рублей за перфораторы отдавать! Жадность фраера косорезом губит, Ермухан! Как будто ты этого не знал?!

– Какую ликвидность вы так сердечно обсуждаете?.. – подойдя к ним, улыбаясь, спросил я.

Шуба оборвался на скуляще-звнящем молдавском «дутун ляля...» диалоге... Медленно, чуть подседая, повернулся (как в х/ф «Джентльмены удачи»: «...Кто это?.. Микола Питерский...»)... с приоткрытым ртом, паузой проглатывая винегрет молдавского и русского мата, нервно подёрнул левым глазом и наконец прошмакал:

– А-а... Борисов... Здорово... – И протянул с вихлявой ужимкой руку.

– Так мы же утром здравкались, Витя... Или в пулово память спряталась?! – подал встречно свою ладонь.

– Вот, Сашок, познакомься с Ермуханом... – представил казаха Вова Поденко.

Ефрейтор достал из внутреннего кармана алюминиевый портсигар. Открыл и угодливо предложил мне папиросу.

– Ну что ж, давай закурим... А он, наверное, англичанин?.. – врасплох резанул я вопросом и прикурил беломорину...

– Почему англичанин?! – удивлённо-весело воскликнул Поденыч...

– Потому что Ермухан был один из сыновей Чингисхана... А историю Золотой Орды очень скрупулёзно изучали англичане... Написав по этой эпохе массу академических трудов... Твои предки не из монгольской степи?..

– Как угадал, комиссар?.. – с придыханием спросил Ермухан...

– По североевропейским манерам... Нет в тебе, Ерёма, ферганского пафоса... В Золотой Орде десятки тысяч наложниц со всего мира обитали... Вот и течёт в тебе англо-монгольско-русская кровь... В Воване – немецко-хохловская!.. В Витюне – молдова-румынская, с индийскими корнями...

– Какая ещё индийская?! – обидчиво переспросил Шуба...

– А потому что... Ты только, Витя, не обижайся... Я тебе один умный вещь скажу... Молдаване, как и цыгане, выходцы из Индии...

Шуба хотел было огрызнуться, но, видя, что я философствую с «заумным» видом и товарищи не подначивают скрытыми жестами и перемигом глаз, а слушают с интересом, тоже принял добродушную мину и не стал меня перебивать...

– ...И вот я неоднозначно кумекаю... Как это мог вас, явных шпионов, к самому сердцу подпустить советский пентагон?! Да ещё плотниками, столярами! Ладно бы какими-нибудь дворниками-говночиста-ми! А ту-ут! Мастерами-краснодеревщиками! Чтоб, значит, свободно могли жучки устанавливать за облицовочными панелями... Бочку самогона, пони-маешь ли, изготовили! Для чего?! А чтобы спаиванием, подкупом слабости души русской овладеть секретными материалами!..

Я не замечал, как перелетел границу доброго юмора, углубляясь в воронку краснобайской фантазмагории, злой иронии, переходящей в «заправдишну» мыслей...

– ...Колитесь! Кто ваш резидент?! Леденцов?! А-а?!

– А почему Жора?.. – выдав тихую пуку, ослабленно проямлил Витя... (Молдаванин был не из трусливых парней. Он мог постоять за себя и товарища. Но зов эпохальных преданий и суетности души в действительности створял иногда каверзу. Это как вопль на базаре «Держи во-ра-а!!!» приводил в прострацию цыгана с только что честно купленным рысаком.

И он готов был провалиться от этого крика сквозь землю или спрятаться, залезть под хвост коню...)

Однако вернёмся в курительную беседку...

– Так, значит, Жора?! Жорчик!.. Но он не может быть резидентом?! Связующим звеном?! Да-а!.. А резидентом?! Впрочем... Разберется!..

Лицо Поденыча натягивалось на передёргивающихся желваках скуластой злостью. В серо-голубых глазах появился свинцовый оттенок – под стать вечернему закату. Всё жёстче и твёрже сжимались кулаки. Шуба из добродушного «Винни-Пуха» оборотнем преобразался в свирепого «Дольчепуло-Кабано»... Ещё пару «шерлокхолмсовских» фраз – и меня бы затоптали солдатскими сапогами, как коврик в прихожей пивной... Но тут раздался срывной, подвизгивающий хохот Ермухана, приседающего всё ниже и ниже, на корточки. Готового свалиться на бетонный пол курилки, кататься телом по нему и аплодировать ладошками ног... Поденыч и Шуба переглянулись и глядели недоумённо на его сумасбродную радость...

Вдруг Вова, который, наверное, что-то знал и сопоставил, посмотрел на раскуренную и затоптанную в пол папироску, на ржа-икающего в колицах смеха Ермухана и, поняв, в чём дело, матерно заорал на него:

– Ты-ы! Бл...! Рожа басурманская!.. Какую папироску ему подсунул?!

– Сам-м-м-ую м-м-мал-лость... спич-ч-чечную гол-л-л-овку... к-к-крас-ной ш-ш-ша-по-чки!.. – разъяснял Ермухан, гогоча восторженными соплями, лёжа и дрыгаясь на скамейке веранды...

– Вставай, кАматозник!.. – зарычал Шуба...

– По рукам, ребята! По рукам! Зато какой сценарий! Лучшая комедия – это драма!

– По рукам, ребята! Простите!..

– Нет, по морде, Ерёма! Мы сейчас тебе бесплатно! Стилистически красиво! Внешность изменять будем!..

– Прошу вас! Не применяйте лом в качестве лазырного инструмента! Не делайте красивым бульдогом! Я про-с-ставлюсь! У меня есть!.. – вопя, кочевряжился казах... – Ведь я ещё хочу после службы! Вместе со своим верблюдом! Мерять вёрсты своей обездоленной степи!..

Шуба с Поденычем оттаяли и заулыбались...

Ермухан тем временем из махонького флакончика дал мне нюхнуть нашатыря, заговорно приговаривая:

– Ща-а... через де-сять минут... прой-дё-о-от... Все-го-то... пол-бу-лав-ки... зарядил... Ща-ас пройдёт, комиссар... Посвежеют мозги...

* * *

После отбоя я зашёл к Леденцову...

– Давай-давай, присаживайся к столу, Борисыч... Кратенько обсудим «прешпект» твоей работы... В общем, так... Завтра едешь на фабрику и выбиваешь материал... Хоть в ногах валяйся... Но чтобы бархат, бумажные, деревянные буквы, краски... Ну чё нам ещё нужно? Прикинешь на месте... Рассусоливать нам некогда... У тебя, комсорг, ещё большой объём работы на стройобъектах в виде наглядной военно-политической агитации... Стенды, стенгазеты, боевые листки... Отражающие военное строительство в решениях партии по претворению планов двенадцатой пятилетки в жизнь! Развивать социалистическое соревнование между взводами роты и отделениями взводов... Схематично показывать ударные темпы роста производительности труда... Отмечать достойных воинов-строителей награждением почётными грамотами, правительственными знаками и значками... С перечнем озна-

комишься в штабе части... Перечислять не буду... Их множество, от «Ударника коммунистического труда» до «Молодого гвардейца пятилетки»... Со степенями – более двадцати видов... Плюс наш войсковой – «Отличник военного строительства»... В общем, въехал, комиссар?..

Я согласно мотнул головой, а сам с оскоминой в образе подумал: «Как до остервенения надоела народу эта социалистическая бутафория... Грамоты, значки, аплодисменты пустым речам... Лучше бы дали солдату отпуск на родину... Возможность нормировщикам закрывать наряды по работе, хотя бы по три рубля в день... Чтобы к дембелю у солдатика скопилось рублей шестьсот-восемьсот...»

На деле же на объектах Генштаба солдату начисляли двадцать-пятьдесят копеек в сутки... Квалифицированным – чуть побольше, чтобы не висел денежно-вещевой долг «за службу Отечеству», который поэтапно нивелировался в бумажную абстракцию после очередной демобилизации... То есть прикрытое масштабное воровство советских генералов списывалось на «прощай» на солдатиков стройбата...

– Алё-у-у! Комиссар... Ты меня слышишь?..

– Да-да... Георгий Львович...

– Ленкомната и политработа на объектах должна быть на высоте!.. А с неё, Борисыч... ой как легко упасть... Куда?! Невдомёк?!

– Вниз... – туманно размышляя, ответил я.

– Правильно, Александрэр! В сортир!.. Ну всё, комиссар... Отбой... Устал я в нерво-трёпке ноне с этими дебилами-шинкарями... Ещё предстоит тщательно разбираться... Но уже ясно! Нити к Шубе с Поденычем ведут!.. И как же мне их тебе оставлять?! Не-ет! На другой объект их надо! Траншеею рыть!..

– А как же Ленкомната?.. – чуть не вскрикнул я, досадуя. Но, выдержав прилив эмоций, высказался по этому поводу с ментальным спокойствием...

– Ладно, комиссар, отбой!.. Оставлю их тебе... Но отвечаешь за них головой!.. Если что – всех троих сгною в болотных окопах!..

* * *

В пять часов утра меня разбудил дневальный, и я направился в умывальную комнату. Тщательнейшим образом помылся по пояс в холодной воде (горячая раз в неделю, в солдатской бане). До синеты побрился универсальным лезвием «Спутник», которым затачивали карандаши, подтирали чернила на бумаге, подрезали швы и нитки в портняжных и обувных ремонтах... «Подколенкорил» усы и причесался с использованием детского крема, чтобы уложить ёжиковую причёску и придать ей блеск пыжика... «Зашипровался» одеколоном с головы до ног...

«Поручик Бобриков готов!..» – весело, но вполголоса проговорил я зеркальцу, разглядывая себя, милейшего... Зашёл в старшинскую каптёрку. Бубенцов крепко спал. Тихо, «на мягких лапах», достал из шкафа «парадку» и направился с ней переодеваться в сушилку, где висело большое облезлое загадочно-старинное зеркало, которое своим отражением искажённого света и деформаций шептало: «Ты – неряха-разгрязняха... рас-чу-чело-чума-воз...» За кривду серебрянному правдолюбу обидчивой каверзой исподтишка доставалось. Неоднократно оно было оплётано и покорябано, отбито по сторонам и углам. Другим оно инфраволнами напевало мотивчик солдатской песни: «... Не плачь, девчонка... пройдут дожди... Твой Трус вернётся... Ты только жди...» И вновь получало «оглядочную» царапину...

Когда я полностью переоделся и крутанулся перед ним, слегка скрипнув новенькими блестящими ботинками, зеркало одобрительно пустило зайчик солнечного света, проникшего чудеснейшим образом через оконную покраску стекла: «Вперёд, Сашок! Но пасаран!..»

Как кремлёвский караульный, торжественно выпятив подбородок, я отдал зеркалу козырьковое чествование и вышел из комнаты. Дежурный с дневальными суетился, будя ото сна «комсостав» роты... В шесть ноль-ноль гвалт-команда: «Ро-та-а! Подъём!!!»

«Значит, уже без десяти шесть утра по времени...» – прикинул я, выходя из казармы.

Наручных часов у меня не было. Тайно испарились ещё на пересыльном...

Без опроса: «Кто такая?.. Куда шагом идёшь?..» – прошёл через КПП части.

Туркменский наряд «слядко-урючно спалё...».

Вспомнил, что сегодня двадцать второе июня, годовщина... Делу эта дата может помочь... В случае чего пустим нюни и сопли...

Вставало яркое солнце, прогревая к травяным запахам росистую прохладу... «Хорошо как!..» Потянулся, прищурясь на лазоревое небо... И потопал не спеша через лесок к Калужскому шоссе на автобусную остановку, чтобы доехать до первой конечной станции метро «Беляево» и маршрутом с переходом на кольцевую линию до станции «Добрынинская». На пересечении одноимённого переуллка и улицы Коровий Вал предстояло отыскать фабрику игрушек...

* * *

На служебной проходной предприятия пожилой вахтёр, придирчиво оглядев меня, поведал, что начальство приходит к восьми ноль-ноль и что, вообще-то, фабрика переезжает на новое место, на улицу Дмитрия Ульянова, в районе станций метро «Профсоюзная» и «Академическая»... Что вывозятся станки, оборудование, материалы и прочее... Что-либо ненужное, испорченное, отслужившее свой срок списывается в утиль...

– Как в утиль, дедушка?! – воскликнул я, не поверив своим ушам, удачливому стечению обстоятельств. – И бархат?! И бумагу?! Тоже, значит, в утиль?! – как голубь у брошенной хлебной горбушки, расспрашивая, ворковал я.

– В утиль, служивый... В утиль... Если, значит, каток рулонный подпорчен или подмочен – на списание... На переработку пойдёт...

– Ба-а! Каток!.. И сколько же, дедуля, весит этот каток?!

– Пятьдесят кило, солдатик... А для чего ты всё это выпрашивашь? Уж не шпиён ли ты?! Вредитель какой, случаем?! Уж больно любознательный!.. Ась, позвонить в милицию надобны...

– Не надо... Не надо, дедушка, никуда звонить... И не шпион я вовсе... Вот мои документы... – торопливо извлекая из кармана, я предъявил военный билет и командировочное удостоверение...

Вахтёр, крикнув для солидности, надел очки-кругляшки и, взяв документы в руки, стал их пристально рассматривать, переводя недоверчивый взгляд на мою физию...

– Так, значит, Борисов?!

– Александр Николаевич... – угодливо подтверждая, добавил: – Прибыл сюда с целью... чтобы ваша фабрика оказала нам шефскую помощь материалами... для изготовления наглядной агитации, стендов, политуголок и стен казармы...

Дальше стал слёзно привирать:

– Так как часть наша передислоцирована из Сибири, то мы, в отличие от вас, поселились на голом месте... У гнилого болота с одной стороны... И Хованского кладбища с другой...

Про две другие стороны света, где находились Таманская бригада, Суворовское музыкальное училище, ВЧ «летунов», я предпочёл умолчать...

– Нищие мы, дедушка... и луидоров... ну то есть денег... в части нету... Шаром покати... На покупку этих бархатов и монументов...

– Каких ещё, сынок, мАнументов?!

– Да это я так, к слову... Вот и хочу, значит... переговорить об этом с вашим начальством...

– Как же армии-то родной не подсобить?! Пособят, милоч... Пособят... Ведь я это начальство с ейного измальства знаю... Половина из них... здесь, на Добрынке, Люсиновке и Коровьем, выросли... Прямо на моих глазах... Я ведь к фабричке этой прирос корнями... И оброс мхом, как старый пенёк... Более полувека тута работаю... С перерывом на войну... Теперича вот переезжаем! А мне куда?! Дома на табурете, у подоконника, как старому коту?! Или на лавочке у подъезда с бабками семечки лузгать?!

– А если вас...

– Уж много «если», служивый! Если бы у бабушек были яйца в домино – они были бы дедушками! А так!.. – Вахтёр досадливо махнул рукой... – Иди, сынок, отселя... Не бери душу стариковскую... Через час приходи... Когда дилектор приедет...

На настенных часах в проходной время показывало семь часов пятнадцать минут... Надо было скоротать ожидание и, обмозговывая, перекусить. В это время открывались только булочные, и я зашёл в благоухающий ароматной сдобой магазин...

(Как вкусно пахли тогда московские булочные! Неопишимо! И этот аромат хлебного чуда распространялся на примыкающие улочки и переулки. В то время ещё не знали и не слыхивали ни о каких биодобавках, эмульгаторах, «аромомусенциях» и прочих ухищрениях «прохиндиады» современного производства, выпечки хлеба...)

На тридцать пять копеек купил полкило пончиков и вышел с большим бумажным кульком на улицу, выискивая укромную скамейку-лавочку, чтобы не привлекать внимания окружающих. (Стеснялись мы тогда по поводу и без повода... «Не то, что нынешнее племя...» А может, время?..) Что ляпнет кто-то из прохожих вопросом язвительно:

– ...В армии плохо кормят?..

Или какая-нибудь сердобольная дама бальзаковского возраста вынет из сумочки и отдаст свой «рабочий бутерброд», увидев, как жадно я поглощаю пончики...

Покончив с кульком, тут же испил водицы прямо из лейки остановившейся поливальной машины, водитель которой заскочил в булочную. Утёр платком подбородок... «По-рядок... – вздохом удовлетворения процедил я и оправил форму... – Ну теперь можно и к директору...»

– Гражданочка! Не подскажите, который час?

– Без пяти восемь... А ты, солдатик, не дембель?

– Нет, дамочка... Наоборот, два года впереди...

– Как жаль... А по внешнему виду и не скажешь... Как быстро мужают и матеруют в армии...

Кивнув женщине фуражечным реверансом, чуть приподняв картуз за козырёк, я направился к фабричной проходной...

Вахтёр-дедуля сдавал смену вахтёру-бабуле и демонстративно не обращал на меня никакого внимания...

Обращение «дедушка» звучало бы как-то некорректно, а имя и отчество я в радостной, вестной оказии про утильсписание забыл спросить. Пару раз хмыкнул, крякнул, потоптавшись и пошаркав ногами, – ноль внимания, нету меня!.. Нетерпение смутного ожидания подвигло на попытку вмешаться в «пересмену»...

– Уважаемые!.. Разрешите поинтересоваться?!

– Не мешай, солдат, дежурство сдавать!.. – строго оборвал вахтёр... – А то сейчас караул вызову!..

– Уж не шпиён ли, Григорьич?.. – прошамкала бабка-вахтёр, с интересом меня оглядывая...

– Да будя, Клавдия... Служивому наш дилектор нужен... Чтобы, значит, ихнему конному полку... шефскую помощь... материалами... оказали...

Клавдия всплеснула руками:

– Так ему же на Серпуховку надобно... Там пищевой комбинат... Овсяную крупу производит... А у нас что? Картон, древесина... Разве ж этим лошадей накормишь?..

Григорьич ухмыльнулся, проведя рукой по седым усам:

– Ну ты прям, Клавдия, стала сляпая, когда не нужно... За шириной у несуна болт украденный сыщешь – и дуешь во все свистки... А тут у солдата в петлицах трактор не видишь... Постарели кони, как мы с тобой... Вымерли... Их молодыми тракторами заменили... А полк так и остался называться конным... Картон с фанерой им нужен для маскировки этих самых тракторов... от любопытных глаз... Уяснила, Клавдия Никитична?!

Вахтёрша непонимающе моргала глазами и утвердительно кивала головой:

– Надо же!.. Для маскировки...

Старик задорно, по-юношески подмигнул мне. Взял телефонную трубку:

– Витя!.. Тута вот солдатик подошёл... Ну про которого я тебе утром у ворот рассказывал... Ты уж прими его... не отфутболивай... И помощи чем можешь!.. – Клавдия!.. Выпиши пропуск и пропусти солдата... Его дилектор ждёт...

Директор фабрики Виктор Сергеевич был одет в сатиновую с жёлто-чёрной клеткой рубаху с коротким рукавом (в таких ездили многие московские шоферюги) и серые фланелевые брючки-«пупконосы»...

Я представлял себе «дилектора», как «выражывался» Григорьич, иначе...

Лицо было «каравайно-славянским», без нахмуренности, и притягивало добродушием...

– Здрав... Здравствуйте, Виктор Сергеевич... Мы к вам от имени Советской Армии...

– Присаживайся... – оборвал он моё волнительное приветствие, любезно указывая рукой на стулья... – Как нам вас величать?..

– Александром... – опускаясь на стул, ответил я...

– Так вот, Саша... Давай без пафоса и предисловий... Расскажи всё как есть... Но дельно и лаконично... Время, понимаешь ли, у меня по минутам расписано... Переезжает фабрика на новое место... А переезд сродни пожару...

Я без ангажированности и каймы фантазёрщины рассказал директору, для чего и почему нам нужен материал. Не забыл упомянуть и замполита части, Галкина Ефима Кузьмича. О его трагедии в служебной карьере и дрожащей мечте уйти на пенсию в полковничьем звании. Но для этого необходимо, чтобы будущая Ленкомната заняла первое место по Московскому военному округу. А залогом этого триумфа явилась бы шефская помощь предприятия в предоставлении материалов: бархата, бумаги, накладных букв и цифр, художественных красок и прочего неликвида и утильсырья, подходящего для вдохновенной творческой работы...

– Кто это тебе про неликвид с утилём растрепался?.. – жёстко спросил директор, посмотрев строго поверх припущенных на нос очков...

– Да-а... не сердитесь, Виктор Сергеевич... Это я ещё утром выведал у Григорьича... Кстати, как его по имени?..

– Кирилл Григорьевич... А что?..

– Ну я и говорю... Утром, до вас, как-то само собою узнал от Кирилла Григорьевича про неликвид и утиль... А он спохватился... Шпионом меня обозвал! Караул хотел вызвать... Но, посмотрев мои документы, решил мне помочь...

– Ах, Григорьич-Григорьич!.. Не стареют душой ветераны... Наставником был моим, когда по окончании ФЗУ¹⁰ поступил работать в цех, где он являлся мастером... Ты вот что, Александр... Составь список требуемого... Пойдешь на склад к заведующей, Раисе Петровне Калгановой... Я позвоню ей и объясню ситуацию... Погрузишь продукцию на кузовной узик, который выделяю для доставки прямо в часть...

Накладные оформишь в бухгалтерии... Секретарь, Инна Павловна, поможет в этом и сопроводит до склада...

Я не верил своим «веерным антеннам»... Достал платок... Коснулся кончика носа, лба, мочек ушей... Я на месте... Я не в измерении...

– Ну что, солдат, замер? Не слышу и не вижу спасибобульных поклонов... Может, ещё чего недосказал?..

Вошла высокая красивая шатенка в бирюзовом деловом костюме...

– А вот и наша Инна Павловна... Но её мы вам в часть не отдадим... – Кратенько и уважительно все засмеялись... – Как говорится, чем богаты, тем и рады...

– Да-а, ну что вы... как можно... Премного благодарны... Если бы не вы... – очнувшись от восхищённого созерцания секретаря и засмутившись, елеяно затараторил я... – Мы, Виктор Сергеевич, думали... Уж если что, подфартит... то есть выделяют нам материал... своим караваном... на горбах взводных... продукцию собирались везти... А тут – надо же! Машину грузовую подарков дают!..

Все вновь засмеялись...

– А хотите, Виктор Сергеевич, мы у вас на фабрике... субботник отработаем?..

– На старой уже ничего не надо... А на новой... Коль будет желание, приезжайте, встретим... Ну всё, солдат... Прощаться не будем... Инна Павловна тебе поможет в оформлении накладных... Будь здоров, Александр...

И мы обменялись рукопожатием...

До двух часов дня, с выбором материала по огромному складу, я медленно загружал машину. Вернее, иносказаньем, загрузил-то я её по первости быстро вместе с Василием, водителем выделенной машины... (Вася осенью прошлого года демобилизовался из армии, поэтому ещё находился под задорными и горячими впечатлениями от неё, «кирзованной», и во многом был солидарен со мной.) Но когда вновь подошла заведующая складом Раиса Петровна, выяснилось, что я загружаю подмоченные водой пятидесятикилограммовые катки бумаги, а на другой стороне помещения складированы сухие... Мы, проклиная «кузькину тещу», разгрузились и стали внимательно рассматривать и выбирать более плотный и «сочный» по цветовой гамме бумажный бархат. Я решил от меловой бумаги, декоративного картона и множества других предложений Раисы Петровны, в том числе и посмотреть вдвоём отдалённый склад мягких игрушек, отказаться... И полностью, до просадки рессор под кузовом, загрузил машину рулонами-катками разноцветного бархата...

«Барыжная» коммерческая мыслишка подлетела ухватно и своевременно после разгрузки подмоченного товара. Один рулон бархата свободно можно было обменять на что угодно... Дембельские фотоальбомы сродни приданому невесты... Ничего не жалко!.. Всё самое лучшее!.. А бархат для этих самых альбомов – «как валюта Деду в сапогах»...

Загрузившись и подписав накладные у завсклада (главбухом они уже были подписаны и скреплены печатью – посодествовала Инна Павловна), я позвонил со склада в часть. К моему везению, Леденцов находился в штабе. По телефону бойко сообщил ему, что нам выделили грузовую машину материала:

¹⁰ Фабрично-заводское училище.

– Встречайте! А то гвардейцы раздербанят на клочки! Как вороньё, любящее всё красивое и блестящее! Приедем часам к четырём... Ждите!..

Выехав из фабричных ворот, мы вскоре остановились в переулке, у пивного павильона...

– Залиться надо!.. – с ухмылкой произнёс Василий и достал из спортивной сумки пятилитровую канистру. Вылез из кабины и пристроился в гудящую «бодунскую» очередь. Через десять минут шоферюга запрыгнул в кабину, и мы поехали...

– А где канистра?.. – озираясь в боковое стекло, спросил я как бы между прочим...

– В кузове, за бортом пристроил... Там прохладней...

Через несколько сот метров вновь остановились у небольшого продуктового магазина, в котором Василий исчез на целых двадцать минут. Вышел из него с двумя полными авоськами продуктов и торчащими длинными горлышками четырёх бутылок водки «Экстра». В душе защемило... «Господи! Доедем ли?! И так рессоры на каждой рытвине молотками бьют... А тут Вася что-то замышляет...» И запахло не только пивом, но и «керосином»...

– Вась... Ты это... к свадьбе, что ли, готовишься? Или к юбилею какому-то?..

Шофёр искоса зыркнул на меня и захохотал:

– Ну ты, Сашок, премудрый карась! Прямо как в кинофильме «Чапаев»... Тута, мол, мужики сумлеваются... Ты за большевиков... аль за коммунистов?..

– Я за Интернационал!.. – добавил я окончанием эпизода сцены этого фильма.

– Правильно, Саня! За солидарность! Ты мне, я тебе! Не переживай... Довезём всё в целости и сохранности... А это?! – кивнул он на сетки... – Я вот что, Сань, думал-надумал... Твой стройбат в окружении воинских частей находится... Сам рассказывал...

– И болот... и Хованских кладбищ... – с тревожным предчувствием добавил я и сплюнул за окошко...

– Так вот... Там же имеются гаражные мастерские с механиками-солдатами? Верно?!

– Так у нас свой гаражный блок из двух ангаров... Правда, в ведении он двух батальонов стройбата...

– Это уже отлично!.. – хлопнул ладонями о руль водила... – Понимаешь, братан... перебрать её, родимую, всю до косточек надо... – И он опять сильно хлопнул по рулю машины... – Заменить внутренности на новенькие...

Я надуту покосился на него:

– Ты, Вась, поосторожней с рулём-то... А то не только рессоры, но и штурвал отвалится... И будут бархатные катки прыгать и бодаться с транспортом по всему сафари-проспекту... Вот будет-то перебор по клавишам... И запчастей вдоволь!..

Василий ухмыльнулся и продолжил нудить:

– Замучился я с ней... В фабричном гараже... запчастей нет... А если появляются – мне в последнюю очередь... Молодой ещё!.. А у спекулянтов?! Так я ещё и не накалымил... почти ничего... В простое постоянно... Вернее, под ней и на ней с гаечными ключами лежу... Любовь стержовная у нас с ней такая... – Поднял от руля руки, чтобы хлопнуть, но, видимо, вспомнил моё предостережение... – «О новой машине пока и не мечтай», – одно и то же твердит мне наш главмех... Зарабатывай, говорит, доверие, авторитет и уважение коллектива... А как? Сам же знаешь... Я только из армии вернулся... Протежных Иван Иванычей в друзьях и родственниках не имею... Проживаю в двухкомнатной коммуналке на Добрынке с матерью... Про свадьбу ты вот брякнул... Почти в точку...

– Почему – почти?

– В ноябре расписаться собираемся... Татьяной её звать... Хорошая, серьёзная девушка... Два года меня из армии ждала... Письма сердечные писала...

Я вздохнул...

– Чего вздыхаешь, Сашок?..

– Да-а... так...

– Она тоже из простой рабочей семьи... Отец токарем, мать инструментальщицей... Танюша учётчицей... на одном заводе батрачат... Так что сам понимаешь... Особых благих надежд не предвидится... Ну в смысле отдельной кооперативной квартиры... Так что летать она у меня должна, как ласточка!.. А не ходить, как ишак, останавливаясь по собственным причудам!.. – И в разгоряченности ударил рукой по дверце бардачка, открывшейся при ударных подпрыгиваниях перегруженной машины... – Летать мне надо, Саня! Летать!.. Калым-заказов много... А с этой стервой!.. – И он вновь, но чуть полегче хлопнул ладонями по рулю... – Одна лишь профукация!..

– Я думаю, Жора тебе поможет договориться с гаражом... И как не помочь?! Когда ты ему такой кушачный подарок везёшь... Цельную машину бархата!..

– А кто он такой – Жора?

– Да командир наш... ротный...

Пару минут ехали молча по быстроному, искристому Ленинскому проспекту...

– Я вот чё, Санёк, думаю... – прервал паузу Василий... – Четырех бутылок маловато будет... Где её потом ночью искать-то?.. За кольцевой таксистов не сыщешь, а шинкарей у местных не знаю... Давай остановимся у винного, я ещё шесть бутылок куплю...

– Да хватит, Василий! – возопил я, одновременно проведя рукой по горлу... – Сперва договориться надо!..

– Вот мы, Сашок, эту водочку в договорах, обсуждениях скушаем, а её, греховодницы, как всегда, не хватит... И получится в итоге-разборе, что мы не поняли друг друга... Мы не машины чиним, а велосипеды... Нет, Сашок! Куплю ящик! Может, движок на новый обменю! С военмехами в армии хорошо знаком был... Те же чёрные лешие, только с военным билетом...

В конце Ленинского проспекта, перед выездом на МКАД, остановились у винного магазина. Вскоре Василий вышел из него, неся в руках пластмассовый ящик с водкой, который долго затем не могли приспособить в перегруженном кузове. Пришлось вынимать рулон-каток и на его место ставить ящик. Бархатную бобину пришлось продать по дешёвке, за три бутылки «Русской». И то минут двадцать уговаривая и увещевая, что зелёная бархатистая подсобка как не иначе привлекательно подходит к данному интерьерчику магазина...

«Время семнадцать ноль-ноль... Нас ждут... Нас уже нетерпеливо-ёрзно ждут... Леденцов, наверное, в очередной раз выходит покурить на крыльцо и бросает тягучий взор на ворота КПП, затягивается сигаретой и неразборчиво, сквозь зубы, цедит матерный едрёна-корень... А мы всё ещё на Ленинском!..» – начинала тревожно зудеть щемящая, извечная мысль купца на трактовой дороге при сгущении сумерек...

Уложив выроченную водку за сиденье, тронулись...

– Василий! Только не гони! Тише едешь – дальше будешь...

– Как поедет-то, Сашок?.. По кольцевой, на Тёплый Стан... через Мосрентген... Или с выездом на Киевское шоссе, с поворотом на деревню Саларьево?.. – рассмотрев дорожную карту, спросил Василий.

– Давай через Мосрентген... Перед Саларьево, на Киевском, пост ГАИ... Не дай бог привяжутся... Это не так, да то не сяк... накладные не понравятся... Не-е, поедет через Мосрентген... Хоть и чуть подальше ехать, но ближе аплодисменты встречи... – с таинственной пафосностью произнёс я и улыбнулся... – Ну чего смотришь на меня, Вася, рот открыл?! Гляди вперёд!.. Заводи бибику, трогай!..

Не доехали мы до части где-то с полкилометра... Сломались... Лопнула правая задняя рессора...

– Дохлопался! – в сердцах завопил я на шофёра...

– Чего дохлопался-то?.. – злой непоняткою спросил он, рассматривая заднюю ось и сильно накрённый борт машины...

– Да всё хлопал по ней, когда ехали! Ласточка, видишь ли, ему нужна! Хорошо хоть, не перевернулись! А то было б как в сказке: головушки кряком, рулончики в ряд, буерак опрокинул коммивояжёрных солдат...

– Всё шутишь?! – огрызнулся Василий и, присев на корточки, стал тупо рассматривать задний мост...

– Нет, Вася... Не до шуток... И, как поётся в шофёрской фронтовой песенке – а помирать нам рановато, есть у нас ещё дома жена...

– А ну тебя, балагур... – И закурил в расстроенных чувствах, сплёвывая горечь на асфальт...

– Ну ты, Вася, тут сиди покамест... Никуда не ходи и никого не подпускай... а я в часть, за помощью... Леденцову доложу о трагедии... Полчаса, не больше... Ты только водку не начинай с горя пить...

Вася жестом отчаяния показал мне, куда торопиться, и обидчиво отвернулся... Сокращая путь, пробежал сайгаком через постоянно открытые ворота «проходного двора» соседнего стройбата, вплотную примыкавшего к нашей части. Влетел в казарму...

– Где ротный?! – крикнул я срывающимся фальцетом ковырявшему в носу постовому дневальному...

Тот, испуганно дёрнувшись, забалаболит на непонятном дурмерском санскрите:

– А... а... а... низном... низном...

Сгоряча махнул рукой: «Всё понятно, солдатам!..»

Ворвался в старшинскую с ветром тревоги и буйной радости, внеся испуганный переполох в двух денщиков-каптёров, массирующих Бубенцову спину и пятки...

– Ко-о-ля! Мы сломались! Слышишь?! Хватит балдеть!.. Мы сдулись, как воздушный шарик у Винни-Пуха... почти достигнув цели!.. Целая машина бархата! В полукилометре отседова!.. Нужно быстрее перегрузить! Кабы ушкуйники соседней части не пронюхали про товар!..

Старшина привстал с койки, свесив босые ноги. Цыкнул на каптёров, чтобы те сделали «шляуфон» из комнаты и плотно закрыли дверь...

– Никого ко мне не пускать! – крикнул он им вдогонку... – Ну чего ты, Борисыч, раскудахтался, как молодой индюк... Сопли истеричные по всей казарме развесил... С рассудком, по порядку расскажи всё...

Сдерживаясь от волнения и не сбиваясь на частности и нюансы командировки, я доложил, чего привезли и где стоит сломавшаяся машина... И что рулоны-катки весят по пятьдесят килограмм...

– А в ширину?..

– Чего в ширину?! – на нервах, взбудораженно переспросил я...

– Ну в ширину катки, бл..., эти самые!..

– По шестьдесят сантиметров, Коля, будут... Ты о чём?! Спасать ситуацию надо!

«Сбагрят этот Вася товар налево!..»

– Значит, комнату обклеить лимонным бархатом получится... – смакуя, размышлял вслух в эти тревожные минуты старшина Бубенцов...

– Обклеишь! Обклеишь, Петрович! Ты только скорее машину найди! И персонал грузчиков...

– Ты вот что, Борисыч... Беги обратно к машине и жди... Сейчас должна подъехать рота с объектов... Направим к тебе провинившийся взвод... Надо доложить Леденцову... Поменялся он в графике специально для этого случая, когда ты ему с фабрики позвонил... Вечером дежурство по части принимает... Извёлся, изнервничался, тебя с товаром ожидая...

Час назад приходил, тебя вспоминал... Почему-то Борисканом называл... Пинков-пилюлей кособольным солдатикам и дневальным понараздавал... Говорил... если приедет комиссар пьяным и без машины... арестовать и посадить в пристроенную кладовку... где хоронятся старые заплесневелые валенки и такие же крысы... Чу-ует рысью что-то?! На расстоянии...

Я на мгновение опешил, услышав про «чутьё-мутъё» Жоржича... Ведь я про водку и планы Васи-шоферка с видами на ремонтные гаражи его не посвящал... «Надо забежать в штаб и самолично доложить обо всём Леденцову...» Однако тот был лёгок на помине... Раздалась команда дневального на тумбочке:

– Сми-р-на-а! Дежурная по рота – на выход-а-а! – И коверканное приветствие-доклад командиру роты...

Я мигом вылетел из каптёрки ему навстречу:

– Георгий Львович! Георгий Львович!..

– А-а... Борисыч?! С вечерними лошадьми изволили приехать?! А где же самосвал драгоценной рухляди? – с сарказмом, нервно подёргивая коленом и слегка пристукивая тоненько скрученной газетой «Правда» о ладонь руки («А внутри, наверное, арматурка...» – мельком подумал я), архаичным трёп-приветствием встретил меня Леденцов.

– Мы приехали! Приехали, товарищ старший лейтенант! Машина стоит в пятистах метрах от части! На мосрентгеновской дороге! Сломались мы! Лопнула задняя рессора! Зайдёте в канцелярию, я быстренько всё вам доложу...

Через пять минут я вприпрыжку бежал обратно к бедаложной машине... Василий, как ни в чём не бывало, сидел на бордюрном камне и жевал в зубах нераскуренную сигарету...

– Ну что нос повесил, Уточкин?! – переходя на шаг, окликнул я его и весело пнул ботинком колесо, подойдя к машине...

– Вообще-то, моя фамилия Селезнев... Ну а что насчёт тягача? Помощь будет?.. А то пока здесь камень просиживал, тебя дожидаясь, плохие мысли начали в голову закрадываться... Думал, бросил ты меня... Намеренно... Воспользовался ситуацией... Ну чтоб, значит... и товар заполучить, и узик мой разобрать до винтика... Смешком, взahlёб глумясь, рассказал всё товарищам-сослуживцам... И теперь зырите на меня сквозь заборные щели и ехидно втихаря смеётесь, дожидаясь темноты... когда я не выдержу ожидания, брошу машину и отправлюсь в город... Или того ещё хуже напрессовывается сюжетец... Лопатой по голове!..

– Недооцениваешь ты нас, Вася... – зло заводясь, перебил я его... – Тут тебя и съест могут... Да ещё под ящик водочки-то!.. Рассказывают, в прошлом годе нашли тут, недалече от кладбища, в овраге, обглоданные косточки... А рядом следы от кострища и ржавый котелок с солдатскими ложками... И вырезанную ножичком надпись на брёвнышке, на котором, по-видимому, и сидели обедающие: «Вкусный был Гена». И теперь никакие генетики-криминалисты не установят, кто же сожрал Гену! Потому что у него остался только один выход...

– И-и-и... к-к-какой же?..

– Ну ты, Василий, со страху логику совсем в мозгах потерял...

Тут его осенило, и он пукнул...

– Правильно задница тебе подсказывает... Вот так-то, Вася!.. А то зырят за ним! Когда в город он пойдёт! Проще к людям и делам ихним относиться надо, шофёр Селезнев... А с Уточкинским я прям в самую точку попал... Только плюс на минус поменял... Уточка ведь женского рода?..

– Ты это... к чему клонишь?..

– Да бредни накрученные, как баба, распыляешь в душе своей... А Уточкинским тебя назвал в честь известного русского автогонщика в начале двадцатого века... Ну когда эти самые велосипедные машинки бегали... Да и потом... есть в тебе что-то птичье, с молоком,

наверное, впиталось... Всю дорогу ласточку хотел из ишака сделать... А сам, оказывается, Селезнев... Не маловата ли попа?!

– Чья?! Да моя!.. По сравнению с твоей!..

– Ласточкина!.. Селезнёв!..

– Селезнев я! Се-ле-знев! Понятно?!

– А ты что подумал, Се-ле-знев?! Панику-то сопливую разводишь, как индюк! Лопатой совковой его по голове огреют! Растащат машину до винтика! А я вот Леденцову доложил о твоей беде... С механиками и гаражом он поможет, разденут и переберут твою колымагу... Стрижом-болидом величать будешь! А сейчас давай-ка переставим ящик водки из кузова к тебе в кабину... Пассажиры больше не придётся, пока взвод тягачей не пришёл...

Василий удивлённо-немым вопросом посмотрел на меня с приоткрывшейся знаком – выпяченной нижней губой...

– О! Блин!.. Про стрижа обмолвился – и челюсть отвисла... – отрядил я балагурный реверанс в его сторону...

– Да я про взвод тягачей не въехал!..

– А-а! – просмеялся я... – Три солдата из стройбата заменяют экскаватор... А тягачами им быть ещё сподручнее... Так что засунут длинную толстую трубу под задний мост полуторки... приподнимут с обеих сторон, а на переднем ты, Вася, в кабине рулить будешь... А тягать, спрашиваешь, кто будет?! Так солдатики на вожжах до гаража и пробурлачат...

– Так надо же здесь, на месте разгрузиться... Чтобы им полегче было!..

– Перекантуемся мы в гараже... Надо, чтоб никто не увидел из других рот... И не растрезвонил по всей военной Хованщине...

– Так жалко же солдат... Тяжело им будет...

– Какой жалостливый, блин, стал!.. Пять минут назад... вопил на восходящую луну: «Разде-е-нут! Кара-у-ул! Карманы вывернут до самой рамы!..» А как спасенье пришло – нравственно-эстетическую мораль иссякать начал... Тогда давай я за руль сяду! А ты... веник-опахало из берёзовых ветвей наломай и обмахивай тягачей-солдатики... Чтоб им не жарко было... И всякая кровопийная гнусь не кусалась... А то – жалостливый, заботливый стал! Хошь, тебя коренным, по центру, запряжём!..

– Ну ладно! Ладно, Сань!.. Чего ты?! Может, треснем по соточке? А то колбаса с сыром запариваться в бардачке начали...

– Запариваться ща бурлаки будут!.. А мы как всё оформим – тебя в гараж, бархат в кладовую... Сядем чинно в канцелярии или в каптёрке старшинской и хорошо почаёвничаем!.. Потом Леденцов не любит, когда симпозиум без него открывают... Да и знает он о твоей проблеме в коротких, бойких выражениях – совсем мало... А про эликсир – совсем ничего... Так что подождём!..

На темнеющем в сумерках фоне забора появилась строевая группа военнослужащих, которая вытекала из ворот соседней части. Слышались громкие сержантские команды:

– Шире ша-аг! Под-тяги-ись!..

– Наши ли идут?.. Ромбом, свиньёй выползают... – настороженно вопрошал и рассуждал я вслух, чем приводил в беспокойство Селезнева, тоже напряжённо вглядывающегося в вечернюю, тёмно-серую даль...

– Ускорить шаг! Не отставать!.. – всё резче и отчётливее звучали голоса командиров...

«Когорта» приближалась... В смешанном тускловатом свете луны и почти зашедшего солнца поблёскивали ломы и лопаты, которые издали можно было принять за секиры с копиями...

– Шире шаг! Выровнялись!..

– Ща прикажет на изготовку опустить... Ломы-копья и лопаты-секиры... – иллюзорно подаваясь мыслям, брякнул я, отягощая нервную обстановку...

Тревожность передалась Василию.

– Сань... А, Сань!.. Взвод-то чей? Ребят-то узнаёшь?..

– По-моему, не наши...

– А кто же тогда?! – Шофёр заметался в «прострационном» смятении... От меня к машине... от машины ко мне... – Чьи солдаты, Са-ня?! Кто – эта-а?!

– Чего орёшь, бл...?! Бедуины фантомных явлений! Ща растворятся... или душить начнут...

Беспокойство нарастало и во мне...

– Так ты их не узнаёшь?.. Может, убежим, пока не поздно?! А-а?!

– Теперь уже стой, Вася, до последнего... Догонят – затопчут сапогами... Басурмане торговаться любят, в базар играть... Ты им – понравившуюся машину... Они тебе – ремень солдатский... Ты им – бархат... Они тебе – сапоги... Ты – ящик водки, ими же обнаруженный... Они – рикшей со строительными носилками до автобусной остановки в город... С опыхальными почестями бегом донесут... И ты им будешь очень благодарный – «бисера» в поклонах рассыпать... Не любят они барыг в бартере, с серьёзными рожами... Подумают, что ты их наловчил... Тогда рикши с носилками не до остановки понадобятся, а до кладбища...

– И на какой хрен я согласился сюда ехать! Стоял бы себе в ремонте в фабричном гараже... Я просто так не сдамся! Кусаться буду! А машину...

– Нет, Васёк... Иной раз сдаваться надо – воле случая... И случай спасёт тебя от опасности... Шерше ля фам... Ищите женщину по имени Жанна!..

– Какой ля фам?! Какая ещё Жанна?! Не знаю я никаких Жанн! У меня Татьяна есть! И вообще!..

– Жанна, Васёк, – это жадность, алчность, нажива, наглая аморалка... – предварял я философские издёвки развешанным капут-хеппи-эндом... Взвод-то шёл свой!..

В первом ряду поблёскивали стилижные очки Ермухана. Ротный разрешил ему поносить их неделю от «куриной слепоты»... Позади, чуть сбоку, вышагивал с тросточкой старшина Бубенцов, которая развинчивалась в длинной рукояти, а из пустотелого основания вытаскивалась короткая кожаная плеть. Сделали ему её в подарок, опять же к юбилею свадьбы (Колюне нравился этот вечный праздник «больших плюшевых игрушек с разноцветными лентами»), ижевские мастера-солдаты, которые числились в нашей роте, но службу отрабатывали в механическом спеццеху УНР при Генштабе, на Гоголевском бульваре, и могли даже состряпать презентом легендарный пулемёт «Максим»...

На шутки, на двусмысленные вопросы военнослужащих отвечал горделивой резонансностью: «...От прадеда! Платовского казака! В наследство досталась трофейной контрибуцией... от пленённого француза под Малоярославцем!..»

(О плётках в постели тогда ещё и не слыхивали... А вот отпороть свою бабу за кокетство перед сельскими мужиками до соплей, до визгу... чтоб полдервни к дворовому забору сбежалось да, лузгая и с подъёром сплёвывая семечки, судачило:

«...Никак Микола свою Маланью стыду-разуму учит...» – запросто!.. Всё по-семейному, «заведённому укладу»...

В нашем случае тросточка являлась атрибутом «ваш-бродь-почитания», подгоняло отстающих от строя коротконогих солдат. Не в смысле длинномерности «кирзовых кеглей», а в том, что одна нога у них была короче другой на несколько сантиметров. И таких вот доходяг по здоровью забирала коммунистическая агонизирующая армия в «нестроевые» войска, как блефорно писалось в отчётных документах того времени... Но «строй» в них никто не отменял. Строились в ряды, шеренги, по отделениям, повзводно, по одному!.. И больше того, проводились военные смотры и конкурсы с исполнением походной песни...)

– Взво-о-од! Сто-ой!.. – громким, раскатным эхом в вечерней разряженной атмосфере прозвучала команда сержанта, ведущего строй...

Передние «бойцы» встали на месте, а задние «чуноходы» ещё продолжали шлёпать иствлевыми от цемента и грязи, зашитыми проволокою в подошве и подбитыми фанерными каблуками стройбатовских сапог. В глухой невесомости каторжных мыслей наступали на пятки вставшему впереди походному ряду, из-за чего возникла громогласная перебранка с тычками, оплеухами и колоритными посылами на «ближнее и дальнее зарубежье»...

– С-стый! От-торвы!.. Я кому говорю!.. Смирна!.. Баранбеков! Ослина, бл...! Куда пошёл?!

– Пошла смирна ходиль...

– Вернись в строй!.. Взвод! Слушай мою команду!.. Командирам отделений подойти к старшине! Для получения распоряжений! Остальным – пять минут перекура! Не разбредайтесь! Во-оль-но! Ра-зой-дись!..

Сержантский состав вместе со старшиной Бубенцовым и командиром взвода, строевым сержантом (в стройбате существовало разделение на «строевых» и строительных войск), подошли к накрённой на бок гружёной машине. Поздоровались со мною и шофёром Селезневым. Бубенцов присвистнул, разглядывая катки-рулоны разноцветного бархата, уложенные выше крыши автомобиля...

– Даёшь, Борисыч!.. Сколько же здесь?! Как тебе удалось?!

Я самодовольно хмыкнул:

– Тридцать два катка... по пятьдесят – шестьдесят килограмм... Больше полутора тонн... А как удалось?! Так это... ласковый телёнок – дипломат, от двух маток-коров молоко сосёт... И с обоих боков греется... Вот так вот, Петрович, дельные помыслы строятся... Ротный-то договорился с гаражными механиками по его ремонту?.. – кивая на Василия, спросил я Бубенцова...

– Да-а, вроде гараж в курсе... И зампотех тоже... Леденцов щас сам подойдёт...

– Старшина... Отойдём-ка в сторонку... Перетереть с глазу на глаз надо...

Коля заинтересованно посмотрел на меня и, лукаво улыбнувшись, прикурил сигарету...

– Ну что же, комиссар... Пойдём, отойдём...

Отдалившись от суетной обстановки метров на десять, я без околоточных вступлений рассказал ему про ящик водки, стоящий в кабине и накрытый рабочей фуфайкой... Что необходимо помочь в качественном авторемонте хорошему парню, шофёру Василию... И главное, чтобы солдаты как можно осторожнее и аккуратнее относились к ценному товару...

– Ну эта... само собою... – поддакнул Коля, уже видевший в яви свою комнату, обклеенную лимонным бархатом...

– Я вот думаю, Петрович... Опасно доверять этим размочаленным домкратам... – Я показал взглядом на мусоливших по кругу бычок папироски солдат. – Кабы не рассыпали груз... Надо бы перегрузить его нежненько на другую машину... И втихаря доставить в казарму... Чтобы не видели соседние роты...

– А им-то чё?!

– Да ни-чё, Коля!.. Базар-вокзал начнётся!.. И поезд с бархатом уедет в никуда! И вокзал тоже... без отпусков на Родину... опустеет...

Старшина почесал тростью затылок:

– Если... двумя ходками...

– Почему двумя?.. Ты о чём?!

– Да-а о санитарной машине... узике-буханке, что у штаба стоит... И в распоряжении дежурного по части... А-а, вон и Леденцов идёт!..

Вдалеке показался силуэт военного...

– А как ты узнал?..

– Эх! Са-ня-а! Что значит – в армии без году неделя!.. Вон, видишь тёмную повязку на рукаве?! Португеей перетянут, атрибуты дежурного... Патрули здесь не ходят!.. – И покопился на кладбище. – Да-а и один он!..

Нас окрикнули сержанты:

– Что, старшина, делать будем?..

– Пока курите... А впрочем, вон Леденцов идёт... Постройте-ка взвод...

– Око-он-чен перекур! Взво-о-од! Станови-ись! Построиться в две шеренги по отделениям!..

Шумовой ветерок зашелестел отголосками:

– Ротник идёт... Жорика?.. Вай! Где виделя?.. Тута мотри... Ва-ай! Правду!

– Шайтан-майтан! Злюденцов шагай к нам пишком...

– Разговорчики!.. Равняйсь! Смирно! Товарищ старший лейтенант! Третий взвод второй роты построен! Командир взвода сержант Волчков!..

– Вольно!

– Вольно, взвод!

– Здравия желаем, Георгий Львович... А у вас ниточка на плече торчит... Разрешите сдуть или одёрнуть?.. А разрешите?.. – окружили подхалимажным гомоном сержанты командира роты...

– Да погодите вы со своими пылинками!.. Комиссар! Давай показывай, чего тут у нас в огороде...

– Георгий Львович... Давайте отойдём в сторонку вместе с Бубенцовым... И обсудим некоторые нюансы пришепката без посторонних ушей...

– Ну прямо... совет в Филях... – беззлобно пробурчал ротный...

– Старшине я вкратце рассказал о фабрике... Мы думаем, что лучше всего перегрузить товар на санитарную машину... И двумя ходками доставить его в казарму... Для этого достаточно двух отделений взвода... Старшина обустроит и проконтролирует разгрузку в кладовую роты... Следующее!.. Отбуксировать сломавшуюся автомашину в гаражи и поставить её на капитальный ремонт...

Леденцов посмотрел на меня нахмуренным вопросительным взглядом, сложив губы в дудочку – «Что?..»

– Да-да! Георгий Львович! На капи-галь-ный!.. Фабрика оказала нам, вы видите, какую неопределимо большую шефскую помощь! Тридцать два катка бархата! Полторы тонны дефицитнейшего материала! И ещё готова оказать! А были бы машины – я и мебель бы списанную привёз оттуда! И ещё много чего! Но мы опосля вернёмся к этим пирожкам... А сейчас надо также оказать им услугу в ремонте... Вот познакомьтесь с водителем фабрики игрушек Василием Селезневым... Молодым строителем коммунизма! Как он представлен на главной производственной Доске почёта!..

Шофёр «Филинов» (в данный момент хотелось намеренно оговориться, сказав фамилию) вытаращенно смотрел, попеременно двигая зрачками, то на меня, то на Жору, но не влезал в дифирамб его представления нашему командованию...

Привирал я, конечно, здорово! И по поводу досок почёта, и гвардейства в ударниках пятилетки и комсомолии... Глядя на Васю, на его кепочку-панамку с рисунком олимпийского Мишки, на скособоченную, ободранную машину, хотелось пафосно закончить: «... Что это, увы, товарищи, красноречивый, краснобайский комсомольский аванс! А пока он обыкновенный раздолбай... Молодой! Горячий! Специалист и патриот...» Но я продолжал нести «околесную передовицу»...

– Василий, являясь активистом общественной жизни предприятия, внёс предложение от имени коллектива фабрики! Провести по приезду к нам праздничный вечер-семинар! Под лозунгом-девизом «Народ и армия едины!». Короб с письменными посланиями, пожеланиями, напутствиями от трудящихся фабрики стоит у него в кабине... И прочитку, ознакомительный просмотр их нельзя откладывать в долгий ящик!.. В ответ фабрика приглашает нас, военнослужащих, на осенний вечер-бал! Посвящённый годовщине Великой Октябрьской социалистической революции!.. Ура! Товарищи комсомольцы! Ура!..

– Ну-ну, Борисыч!.. Хватит ёрничать над больным войском! Какие балы?! Я в увольнение в кинотеатр Мосрентгена боюсь их отпускать...

А ты – танцы-шманцы... Кина нет! Товарищи солдаты! Так проведём комсомольское собрание! Вот какая должна быть диспозиция комиссара в нашем войске... – с напускной сердитостью, улыбаясь и подсмеиваясь, прервал мой афишный монолог командир роты...

Я, чуть повернув голову, показал глазами мимо него...

Жора стоял спиной и не видел, как незаметно, по сантиметру, подкрадывались любопытные «соглядаяи»... (Словно суслики, приложив передние лапки к животу, наострив ушки-антенки сгибом к эфиру, а губы свернув в трубочку, напряжённо стенографировали под пилотку добытую информацию. А затем писали «по теме» доброжелательные письма, рисовали наглядные рисунки, отсылая их в любимые радиопередачи: «Шаболовка, 37», «Радионяня», «КГБ-дейка» или популярный журналчик «МУРзилка», что на Петровке, 38...)

Старший лейтенант резко обернулся вместе со старшиной...

– Встать в строй! Ухоеды! Кто разрешил разбредаться?! – заорал Бубенцов. – Командиры! Построить отделения! Взво-о-од! Слушай мою команду!!!

Поздним вечером, после отбоя, старшина, командиры взводов, актив роты «приблизённых к императору» собрались в канцелярии на «шефский халявный затрапезник»... В прениях и чтениях засугубили-заслушали-скушали четыре фанфурных фолианта «Экстры»... Обсудили дальнейшие мероприятия... Выказались по поводу Ленкомнаты... Моё мнение было таковым... – «Что ещё рано начинать работы... Через неделю, полторы, максимум две, когда привозимый материал с Генштаба перейдёт из количества в качественную, конструкционную массу, тогда можно будет окончательно сложить художественно-оформительский план... А чтобы материал правильно подбирался, мне завтра придётся вместе с ротой ехать на объект "Арбат"...» На этом мы поставили «сухую гранёную точку» и стали расходиться. Вася Селезнев отправился спать в старшинскую каптёрку...

Утром, после развода рот по объектам, дежурный по части старший лейтенант Леденцов вызвал меня в штаб перед самой посадкой в автомашины... Я не пошёл, а рванул «по вызову», думая, что ещё успею вернуться, и прокричал на ходу взводному сержанту Кузовлёву, чтобы меня подождали.

– Не больше-е десяти мину-ут!.. – резонируя плац-эхом, прозвучал жёсткий ответ... Я обернулся и, чуть подсев в коленях, развёл руки, состроив досадливую гримасу...

– Шкуру не только с роты снимут! Весь батальон раком поставят!.. Не больше десяти минут! Комиссар!.. Не могу!.. Понимаешь?! – вновь прокричал взводный, увидев мольбу и обиду в моих жестах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.